

Эдуард СЕМЕНОВ

ДОПЕЛЬДОН,
ИЛИ О ЧЕМ ДУМАЕТ
МУЖЧИНА?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Семенов
Допельдон, или О
чем думает мужчина?
Серия «Современная проза», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38576098

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08596-1

Аннотация

Мужчине средних лет в постели любовницы приснилось новое слово, которому он пытается придумать смысл. В поисках смысла этого слова он скрупулезно изучает свою жизнь, которая пришлась на развал СССР и начало перестройки и проходила на рабочей окраине города, и понимает, как сильно изменились его представления о жизни с юношеского возраста. Как жить дальше? Зачем жить дальше? Эта книга – попытка дать ответ, о чем думает мужчина, когда принимает те или иные важные для него решения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	4
Начало	4
День, после которого будет все хорошо!	18
Улыбка бога	23
Пицца, пиво, секс и DVD	35
Кому подарить слово?	52
Как разбудить медвежонка?	57
Глоток воздуха	64
Фемина флайенсы	74
Ошибка президента	78
Разговоры о счастье	86
О деньгах и счастье	94
Сексуальная энергия	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Часть первая

Начало

Я проснулся и мысленно произнес: «Допельдон». «Пока-тал» это слово языком по рту, будто пробуя на вкус. В голове нескончаемо шумело от выпитого вечером вина: «Изумрудная лоза» из Темрюкского района, белое полусладкое, 11 градусов крепости, за 50 рублей из магазина «Дикси», – так приятно радующая вчера влага вдруг превратилась в немыслимую гадость. Что-то среднее между общественным туалетом и помойкой. Надо бы встать и пойти почистить зубы. Встаю. Иду. Перебираюсь через Марину. Она недовольно ворчит:

– Куда?

– В туалет.

– Посмотри, не приехал ли свекор...

У Марины сложные отношения с бывшим свекром. Вернее их нет никаких. Она в разводе, но живет в квартире бывшего мужа, у его родителей. Каждый раз, когда мы занимаемся сексом, Марина по несколько раз выглядывает в окно, прислушивается ко всем подъезжающим машинам и переживает, не приехали ли, свекор. И если он приезжает, то секса нет.

«Допельдон...» Несмотря на то, что во рту погано, на вкус это слово напоминает «апельсин». Или зубную пасту? Чищу зубы. Я в чужой квартире – и зубной щетки мне здесь не положено. Чищу зубы пальцем. Стараюсь вогнать зубную пасту в зубы, втираю ее что есть силы в челюсть.

«Допельдон...» Что это? Откуда? На память приходит «Кодак». Говорят, что два японца придумали это слова просто так, из ничего. Просто провели исследования и выяснили, что такое сочетание звуков и букв лучше всего воспринимается европейцами. Теперь-то мы уже все точно знаем, что «Кодак» – все, что связано с фотографией.

«Сначала было слово! Тогда что же такое допельдон?» Иду в туалет. Освобождаю свой желудок. Вчера ели свекольный салат и шашлык, пожаренный на сковородке. Хотели жарить его у Ленки в саду, но сразу после того, как Марина купила шашлык, пошел проливной дождь. Даже хотели перенести поедание мяса на воскресенье, но Марина возмутилась. Деньги уплачены, надо есть. Потом она посчитала, сколько ей каждый должен за мясо. Вышло, что не так уж и дорого. Всего по 60 рублей. Но я ей ничего не должен, так как купил вина, которое сам же и выпил. «Нет, какие же все – таки скоты, мужики! – мысленно в потоке сознания поставил смайлик за этой фразой. – Сволочь, он слишком откровенно и нагло улыбается. Нет, я хотел вложить в эту фразу другой смысл», – стер.

«Допельдон...» Иду на кухню. Ставлю чайник. «Гоняю»

слово по рту и не понимаю, что оно мне напоминает. И самое главное, откуда оно? Помню утром, меня разбудил какой-то ноющий звук. Как оказалось, ныл телевизор. Выключил. Нытье прекратилось. Но слово «допельдон» уже был в голове до него. «Я же проснулся с этим словом в голове, а нытье телевизора услышал позже, когда вернулся из ванной комнаты! Значит, я проснулся с этим словом... Я проснулся с “допельдоном” в голове...»

Звучит, как “кавардак”, но на слух приятно. Пытаюсь вспомнить, что было сначала, я услышал звуки, а потом произнес “допельдон”, или сначала произнес “допельдон”, а потом услышал звуки на улице. Под окном остановилась машина, из нее вышли люди, мужчина и женщина, – они громко и незлобно ругались. Нет, слово “допельдон” все же было чуточку раньше, буквально на мгновение. Не знаю почему, но это меня обрадовало. Наверное, потому, что если бы сначала были люди, а потом допельдон, то можно было бы предположить, что я услышал это слово от них. Значит, в мире его знает еще кто – то, кроме меня. Но нет. Слово “допельдон” родился у меня в голове. И его никто не знает, кроме меня. Я полновластный хозяин этого слова! Могу похоронить его в своей голове, а могу закричать мужчине и женщине. Крикнуть с высоты четвертого этажа:

– Люди я придумал новое слово! И это слово – “допельдон”.

Наверное, отвезут в психушку... А там вряд ли оценят мое

открытие. Поэтому буду наслаждаться “допельдоном” в одиночку... Теперь он стал похож на зефир в шоколаде. На холодную «Шармель», которую я только что достал из холодильника и вместе с двумя кружками – в одной кофе для меня, в другой чай для Марины – принес в комнату. Марина пьет чай без сахара, я же всегда кладу его в чашку много. Я сластена. «А “допельдон” – мужского рода. Однозначно. Не женского и не среднего. Мужского.

Я укусил зефирину. Шоколад на ней такой холодный, что сломался на губах и упал на пол.

– Не повалявши, не поешь!» Поднимаю с пола и отправляю в рот. Параллельно ругаюсь, имитирую свою озабоченность тем, что уронил что-то на пол. «Пылесос вон там!» – говорит Марина. Она чистюля. Меня это немного достало. И я уже три дня достаю ее тем, что каждый раз, по поводу и без, говорю о том, что надо бы пропылесосить в комнате. Подкалываю. Марина уже злится по этому поводу. И мы даже два раз серьезно из-за этого поругались. Теперь она подколола меня. Выворачиваюсь. «Я ругаюсь по поводу того, что мой шоколад упал в пепел, который ты вчера уронила на пол, когда курила перед сном!» Марина курит как паровоз. Курит тонкие дорогие сигареты – «Давидофф», «Вог», но как паровоз. Не скажу, что это меня как-то волнует. Я уже не в том возрасте, когда не гуляют с девочками, которые курят. Но все же! Я должен делать вид, что меня волнует, что моя принцесса курит. Вывернулся. Тема «пылесоса» закрыта, а

тему «о вреде курения» мы не открываем, в принципе. «Нет, допельдон – не зефир и не кавардак в голове. Это что-то другое, что-то гораздо более вкусное. Но что? Почему я решил, что это обязательно еда?» Кофе выпито. Ищу свои часы. Без них рука голая. Перерыл все, но часов нет. Немного странно. Я уже говорил, что Марина чистюля. Говорил. А она еще и страшная аккуратистка. Она любит, чтобы у нее все было разложено по полочкам и все было на своих местах. Поэтому среди ее аккуратно разложенных вещей мои брошенные часы должны быть как бельмо на глазу. Но их нет. Может, я их уронил в коробку с игрушками Максима? Максим – это сын Марины. Он вносит в ее жизнь элемент хаоса. Среди его «легогошек» мои часы были бы незаметны. Смотрю внимательнее. Их нет. «Допельдон!» В голове молнией проносится это слово, хотя я уверен, что хотел сказать: «Полный пиздец! Часы потерял!» Нет! Ну, какое все-таки удобное слово. Заменяю целую фразу. «Допельдон...» Что-то мягкое?

Вспомнил! К Вике пришел ее приятель. Сергей, кажется. Нас познакомили. Третий раз подряд. Почему третий я вспомнить не мог. Все-таки мы уже выпили полтора пакета вина, но то, что один раз нас уже знакомили, это точно. Мы друг друга знали. Сергей пить ничего не захотел и посадил Вику на коленки. Намекает! Понятное дело. Зов плоти. «Ну, потерпите нас полчаса, – говорит Марина, – и мы уходим! Вот только вино допьем!» Но полчаса они не высидели. Мы заспорили, что-то по поводу Борзаковского. И почему по по-

воду него? Не помню.

Сергея бил себя пяткой в грудь и уверял всех, что Юрка не бегают, а ходит. Я уверял обратное. Его любимая дистанция – 800 метров. Он бегун. Ну, это действительно так. Поэтому зачем спорить? Но Серж не унимался и делал такое лицо, что мы все идиоты и не смотрим телевизор. Было решено, что Вика и Сергей пойдут наверх и посмотрят в Интернете. Наверху у Вики рабочий стол, широкая кровать и ребенок. Первый этаж остался в нашем распоряжении.

Через минуту Вика вернулась к нам, чтобы сказать, что Борзаковский все-таки бегун. 400 или 800 метров, но это так для проформы, и, самое главное, сообщила нам, что нас покидает. Ну это было и так понятно. Мы пожелали ей удачи, а сами разлили по бокалам последние капли вина.

Когда Марина пьяная, она всегда капризничает и говорит, что я ее не люблю и не выношу ее Марата. И чего она так решила? Чтобы убедить ее в обратном, нужна постель. На первом этаже у Вики всегда есть комната, где мы можем остаться ночевать. Туда и пошли. Свет не включали, плюхнулись в кровать прямо в одежде. Я только и успел снять часы.

Через минуту Марина сказала, что не хочет здесь спать. Спать там было действительно не удобно. Кровать узкая. А у нее дома кровать широкая. Мы были в одежде, поэтому встать и пойти к ней домой было проще простого. А часы остались лежать в комнате у Вики. На первом этаже ее дома в Кратово.

Ворчу: «Теперь ходи, собирай свои вещи по всему городу!» Хотя чего ворчать?! Сам виноват. Кофе допито. Новости посмотрены. «Евроньюс». Без комментариев. В Пакистане народ раскупает сувениры с государственной символикой, а в Израиле военные ломают дома в секторе Газа. Какое мне до этого дело? Сейчас меня больше всего интересует, что такое допельдон?

Ушел. Марина закрыла за мной дверь. Я спешу. Мне надо к восьми часам быть в музее. Через два дня начинается «Международный авиационно-космический салон» – и наш музей «Истории покорения неба» в нем участвует. А сегодня мы должны будем завести экспонаты музея на территорию салона. Дело это муторное. В позапрошлом году на проходной простояли почти полдня. С семи утра до часу дня, но то было в прошлом году. Тогда на заезд давали только один день. В этом году – три дня: вчера, сегодня, завтра. Поэтому мы и договорились не вставать так рано, а встретиться в восемь утра в музее.

Спешу. Ловлю себя на мысли, что спешу теперь уже не столько для того, что мы договорились, а для того, чтобы записать в компьютере то, что со мной случилось. И в первую очередь мое выдуманное слово.

«Допельдон». Ведь это почти... как рождение ребенка. Почти, потому что слову труднее. Оно, чтобы окончательно явиться миру, должно родиться не менее двух раз. Первый раз слово бьется внутри меня, бьется, ищет выход. И нахо-

дит его на кончиках пальцев. Создаю вордовский файл. Документ. doc. Чтобы файл потом можно было легко найти в компьютере, его надо как-то назвать. Дать ему индивидуальное имя. И у меня как раз есть такое имя. Ловлю себя на мысли, что я придумал очень удобное слово. Не надо стирать полностью слово «документ», достаточно поставить курсор перед «кумент», стереть эти шесть букв и дописать семь – «пельдон». Сохранить. Получился «Допельдон» с расширением doc. Вот теперь всем точно известно, когда впервые было записано мое новое слово. 14 августа. 8:07:53. О, какая точность! На вид мое слово выглядит неплохо. Не слишком длинное, но и не короткое. В самый раз! Мне нравится.

И все же мучают сомнения. А вдруг... Вдруг я тут целый час ношусь с тем, что уже давно известно всему миру. Со мной уже так было. Ночью приснилась песня. «А когда на море качка, и бушует океан, ты приходи ко мне, морячка, я тебе любовь отдам!» Вернее, это я думал, что песня мне приснилась. Даже утром чуть свет подскочил и записал ее в тетрадку. Чтобы не забыть. И ходил гордый сам собой почти неделю. Пока в воскресенье не показали фильм, где Ширвиндт или этот, как его там, другой, эту песню пел раз сто, если не больше. Обидно было до слез.

Но как узнать, что такое допельдон? Захожу в Яндекс. Ввожу слово в поисковик. И хоп. Компьютер выдает: «Ничего не найдено? Чтобы искать точнее, Яндекс ограничивается документами, в которых слова из запроса близки друг к

другу, – поищите с более мягкими условиями». И еще раз... «Искомая комбинация слов нигде не встречается».

Вот так! Я придумал «допельдон». Не какой-нибудь там «дабль тон» или «дубль тон», а именно «допельдон». Орфографию прошу запомнить. А то будут потом подделки всякие лепить. Знаю я, как это делается. Назовут «Адидаас» «абибасом» – и лепят кроссовки, которые носить не будешь. Из-за этого престиж фирмы страдает. С моим «допельдоном» такое тоже, в принципе, может случиться. Достаточно изменить одну букву «допельТон» – и все. Но если такое будет, то мое слово стало знаменитым и под него подделываются. Пока же оно еще никому, кроме меня, не нужно.

В том, что я точно помню, когда я написал свое новое слово, моей особой заслуги нет. Это делается компьютером автоматически. А вот время, когда я произнес это слово вслух, мне известно доподлинно. Это было в 9 часов 35 минут. Я шел по коридорчику между фондохранилищем и смотровым залом и вдруг ругнулся: «Допельдон!» Не громко так ругнулся: «Допельдон!» Эха не было. Ничего особенного не произошло. Никто не спросил: «Что ты сказал?» Наверное, просто никто не слышал моего бормотания. Но слово, произнесенное вслух, означало, что я страшно недоволен. Меня оторвали от компьютера. Пока я рыскал в Интернете, уже давно пришли Женька и Гарик, перетаскали все коробки с экспонатами в машину. Осталось отнести туда катапультное кресло. Оно было тяжелое, поэтому без меня обойтись было

невозможно.

Я подошел и взялся за спинку кресла КС-4, нагнулся и, видимо, на автомате даже смог чуть-чуть оторвать его от земли. Тут Гарик как заорет: «Да ты что, мы это кресло втроем не сдвинем!» Как не сдвинем, когда я его уже оторвал от пола. «Давай возьмем другое К-36 ДМ» Ему все равно, какое брать кресло. Лишь бы полегче. Его престиж музея не волнует. А меня волнует! Ну, я и возмущился. Либо берем КС-4, либо никакое, и иду к компьютеру. Про себя матюгаюсь: «Идите вы вообще, куда подальше со своими креслами». А вслух произношу «допельдон». И даже немного пугаюсь. Какое емкое слово. Одно заменяет целое предложение. Ой! Я его произнес вслух. Можно сказать, родил. Бегу к компьютеру и смотрю на часы. 9:35. Это случилось рано утром 14 августа. Странно! Сам вложил в него негативный смысл, но он, то есть смысл, к слову как-то не прилип. Не может быть, чтобы «допельдон» означал что-то негативное. Я это чувствую. Нет, конечно, это не белый и пушистый зайчик, но не пиздец какой-то ушастый. Это-то что-то другое.

День закрутился. Приехали на проходную летно-исследовательского института. Гарик побежал оформлять документы. А я стал в спешке набрасывать на клочках бумажки возможные варианты смысла моего слова. Это линия одежды. Посмаковал. Одеться у «Допельдона»! Ничего звучит. Это марка автомобиля. «Мицубиси допельдон» или «Рено допельдон». Наверное, дорогая и престижная машина, обяза-

тельно с откидным верхом. Надо будет на досуге придумать, как она выглядит.

Машины затрясло, а в соседней – сработала сигнализация. В небо взмыл истребитель. Народ повыскакивал из салонов, задрал кверху головы. И чего повылазили? Теперь такое будет продолжаться целую неделю подряд. Женька тоже выскочил. Он фанат авиации, знает названия всех летательных аппаратов. А мне некогда, я записываю смыслы моего слова. Это лекарство. От головы или от желудка. Да, сейчас бы не помешало принять. Виски сжало похмелье. Не буду никогда больше покупать дешевого вина. «Дайте мне две упаковки «Допельдона»?.. И по две таблеточки «Допельдона» в день. После еды... А может, это не таблетки, а дорогое вино? Граф принял бокал «Допельдона» за ужином!» Не сомневаюсь, что у него не будет утром болеть голова. Если это французское вино, так называется шато. Крепость, где производят этот виноград. Где-то на юге Франции стоит мой шато Допельдон. Хотя почему на юге, может быть, на севере...

В машину врывается Женька. Орет.

– Нет, ты видел, что он сделал!? Ты видел!?

– Что?

– Он вышел на колокол, а потом кувырнулся назад. Сальто назад. Такого еще никто не делал. Я даже не знаю, как это называется!

Ну вот, допрыгался. А я знаю. Оказывается, допельдон – это фигура высшего пилотажа. Сальто назад. В общем-то, не

плохо. Все же российские истребители самые лучшие в мире. И все-таки мне хотелось бы для моего слова другой участи. Мне кажется, что это что-то материальное. Хотя пусть будет и фигура пилотажа в том числе. Ведь может быть у слова несколько значений. Как у слова «земля», например, или у слова «мир».

Пока ждем Игоря, придумываю «допельдону» еще несколько значений. Это прием в греко-римской борьбе. «Он применил допельдон – и положил его на лопатки». Это фамилия летчика времен Первой мировой войны, которого сбил «Красной барон». Это имя египетского фараона. Это музыкальный инструмент. Это музыка из кинофильма «Убить Билла». Она звучит каждый раз, когда Черная Мамба собирается убивать. О-о-о, как болит голова! Наверное, от этого у меня такие черные мысли для моего слова.

До обеда провозились на аэродроме, вытаскивали коробки из машины, расставляли их в своем павильоне, развешивали на стены плакаты, сколачивали из деревянных брусков раму под баннер, где на фоне летчика времен Великой Отечественной войны написано «Добро пожаловать в Жуковский». Ругались с менеджерами салона по поводу этого баннера. Эти сволочи совсем из-за денег нюх потеряли. Требовали с нас денег за рекламу. Спрашиваем:

– А что мы рекламируем?

Отвечают:

– Город!

– Вот с него денег и берите, а мы – музей, хотим привлечь внимание к нашему любимому городу.

Отстали. Правда, на самом деле денег с нас взять можно было. Ведь мы не просто так этот баннер натянули. Мы поставим его на центральном проходе, вырежем у летчика физиономию и будем предлагать всем желающим сфотографироваться на таком фоне. Естественно за деньги.

В обед позвонила Марина. «Я буду готовить щавелевый суп и хочу обедать вместе с тобой». Удивительно, но до этого момента я практически даже не вспоминал про «допельдон», а вот как она позвонила, так сразу и вспомнил. С полной уверенностью, что «допельдон» – это вкусно. Да, почему я сразу не подумал об этом?! «Допельдон» – это еда, сеть ресторанов с вкусной и здоровой пищей. «Сегодня я обедаю в «Допельдоне»! Закажите нам столик на двоих». Естественно, фирменное блюдо тоже называется допельдон. Двойной допельдон с кровью с жареной картошечкой, селедочкой и запотевшей рюмкой водки.

Сглотнул слюну и обещал непременно быть. Что удивительно, был. Суп был вкусный, и если бы не нестерпимые боли в голове, я ни минуту бы не сомневался, что «допельдон» – это тот самый щавелевый суп. А так в голову лезли всякие дурные мысли о конце света. Чтобы не расстраивать принцессу, под благовидным предлогом свалил домой. Хотя по большому счету домой мне идти было не обязательно. Жена и сын вот уже месяц как загорают в Крыму.

Вечером, лежа у себя дома на диване, смотрел телевизор и приходил в ужас от теленовостей. В небе над Грецией полчас летел «Боинг» с мертвым экипажем и пассажирами. Произошла разгерметизации салона – и они все погибли. А в Крыму на станицу напала стая бешеных волков. Такое может быть только перед концом света. Точно «допельдон» – это день перед концом света! И Бог предупреждает меня об этом.

С этими мыслями и засыпаю...

День, после которого будет все хорошо!

Проснулся рано. Снова рано. И, тем не менее, это пробуждение было куда лучше, чем вчера. Голова не болела. Мысли светлые-светлые. Правда, потребовалось время, чтобы вспомнить мое новое слово. Еще бы! Ведь нестерпимо чесалась спина, причем в таком месте, что рукой никак не достать. Пришлось скользить по кровати, как змея. Спугнул Барсика. Он заорал и убежал на кухню. Вернулся. Я хотел погладить его. Эта сволочь вцепилась в мою руку, так что заорал я. Видимо, мой боевой котик подумал, что рука – это змея. Кожу не прокусил, хотя вмятины и царапины оставил заметные.

«Допельдон?» Это слово всплыло в голове само собой, и я снова начал думать, что это такое? Восемь утра. По телевизору новости снова начинаются с трагедии в Греции. Теперь уже дикторы говорят, что кто-то пытался управлять самолетом до последней минуты. Значит, была надежда. Значит, вчера был не последний день. Манипуляторы! Если бы вчера был последний день, то какой смысл давать надежду? Значит, это не последний день. Это радует!

По ТВ снова говорят про МАКС. Корреспондент говорит, что многие фигуры высшего пилотажа даже еще не имеют названия. Улыбаюсь. Одна фигура уже точно имеет. Сальто

назад на самолете – это допельдон. Правда, об этом еще никто не знает.

Иду на кухню, ставлю чайник. В туалете умываюсь. Сковыриваю болячку на родинке. Марина вчера говорила, что у меня плохо сворачивается кровь. Ничего подобного. Хорошо! Я болячку постоянно сдираю. Родинка на подбородке – это моя большая проблема. Постоянно режу ее, как бреюсь.

Открываю кран. Оп-па! Дали горячую воду. Нет ничего приятнее, чем умываться в горячей воде. Даже мыло по-другому пахнет.

Завтракаю. Бутерброд с маслом и чашка кофе. Я пью, правда, не «Допельдон», но тоже ничего. На улице светит солнце. Голову пронзает фантастическая мысль.

Точно! Допельдон – это день, после которого все будет хорошо! Проверено. Дали горячую воду. Хорошо. Кот покусал – не очень хорошо. Зато после его укусов я проснулся окончательно. Так что это тоже можно считать, что все хорошо. И дальше тоже все будет хорошо. Обязательно!

Иду на работу. Честно говоря, делать мне это не очень хочется. И не потому, что всем всегда с утра не хочется идти на работу. Я свою работу как раз очень люблю. Но сегодня я должен с утра отнести в Управление культуры одну бумажку, на которой от имени липового директора фирмы должно быть написано, что у них бухгалтер в отпуске, поэтому он не может предоставить сейчас документы в полном объеме для участия в конкурсе на муниципальный контракт. Но если все

будет хорошо, то есть если их фирма выиграет конкурс, то обязательно предоставит все документы.

Полный бред и, что самое неприятное, ложь, но таковы правила конкурса. Для того, чтобы конкурс был признан состоявшимся, надо, чтобы в нем участвовало две фирмы. Чтобы две фирмы предоставили полный пакет документов. Ну, там, устав, бухгалтерский баланс. Моя и чужая. Я не против. Но где взять эту другую фирму? Почему я должен искать эту гребанную фирму, фактически себе конкурента, чтобы получить деньги, которые нам нужны для того, чтобы купить оборудование для городского музея?

Нет, конечно, я не против на этом заработать, чего греха таить. Но почему нужна вторая фирма? Почему я завишу от нее, как от тени той грешной женщины? Это черт значит что? Это полный допельдон! О! Снова всплыло это слово и снова с негативом. Бумажку отнес. Ну вот! Я же говорил, что все будет хорошо. Все будет допельдон! Позитив!

Бумажка эта, письмо от несуществующего директора, была заклеена в конверт, и открыть ее никто не мог до оглашения результатов конкурса. Поэтому я просто протянул его Людмиле Андреевне, председателю комиссии. Она приняла конверт и принялась аккуратно подшивать его в папку, где уже были собраны другие запечатанные конверты. Не глядя на меня, сказала: «Ну что ж, в обед состоится заседание комиссии, конверты вскроем – и посмотрим что там!» Правда, при этом подняла на меня глаза странно-странно и посмот-

рела. Но ничего не сказала. А что она могла сказать? Я просто курьер, который принес конверт. Я к этой фирме никакого отношения не имею. У меня же полный порядок.

На улице нестерпимо палило солнце, над городом с шумом проносились боевые истребители, готовясь к завтрашнему шоу, а я шел по раскаленному городу и уговаривал себя, что все хорошо, все будет хорошо. Все будет допельдон! Нет. Все же мое слово имеет явно позитивный оттенок. Допельдон – это все будет хорошо!

В обед позвонила Людмила Андреевна и, будто из пулемета, сообщила мне, что в конверте документов не оказалось. А то я не знал об этом.

– И что теперь? – спрашиваю.

– А ничего, – отвечает Людмила Андреевна, – представитель казначейства сказала, что если не будет этих документов, то конкурс будет признан несостоявшимся!

– И что? – туплю я.

– Что? Что? Если хотите получить свои деньги, то принеси мне завтра все недостающие документы.

– Ну а у нас-то все нормально? – единственно, что нахожу спросить я.

– У Вас все нормально. Но ты меня понял? В казначействе согласились подождать один день.

Понял, что тут непонятного.

За один день, вернее уже за вторую половину жаркого и липкого, как сковородка, летнего дня, я должен найти доку-

менты фирмы, которой не существует. Фактически, я должен создать эту фирму из ничего, должен вытащить ее из небытия.

Кто на такое способен? Только волшебник! О, точно! Дюпелдон – это имя того самого волшебника. И пусть этот волшебник будет добрым. Потому что, если он будет злым, я просто не знаю, что будет. Нам так нужны эти деньги. Просто, как воздух. Если бы у меня на заднице была шерсть, я начал бы ее с заклинаниями выдергивать, стараясь походить на старика Хоттабыча. Но, как говорится, чего нет, того нет.

Поэтому я сажусь у окна и тупо смотрю в него. В нашем музее очень интересные окна. В них видна дорога и тротуар, а ничто так не приводит в спокойствие, как вид на постоянный поток транспорта и вечно куда-то спешащих пешеходов. Уже понятно, что никаких документов мне не найти. А значит можно расслабиться – и получать удовольствие.

Мое утешение появляется в виде серой «восьмерки», которая останавливается прямо под окнами музея. Из салона выходит Марина. О, в этот момент я так ее люблю! Она выслушивает мои горькие стенания, тяжело вздыхает и произносит: «Ладно, поехали, я купила новый фильм, «Мама, не горюй» называется...»

Стоит ли говорить, что мы не досмотрели его до конца и что этой ночью я снова остался у нее.

Улыбка бога

День начался в 8:45. Со страшного грохота, от которого тряслись стены и стекла. Казалось, что Илья-пророк на своей боевой колеснице завис над самой крыше и принялся колотить своим мечом в щит. Собственно говоря, так оно и было. Грохот стоял такой, что в ушах заложило. Допельдон! Это другое имя бога! Это и есть он самый!

На самом деле начался МАКС, международный авиакосмической салон. Все-таки начался. И этот грохот – звук авиашоу – теперь будет стоять над головой всю неделю. В душе ощущение какого-то праздника и чего-то грандиозного. И я, тут же уставившись в потолок, начинаю придумывать для своего слова новое значение.

Сегодня хочется, чтобы оно было какое-то значительное и красивое. Такое, как тело моей принцессы, которое чуть-чуть выглядывает из-под одеяла. Я лежу на подушке и, не поднимая головы, могу видеть только краешек ее бедра, крутого, как горы Болгарии. Явно, «Допельдон» – это новый аромат духов, это озеро высоко в горах с необыкновенной минеральной водой, а может быть, это новый сорт французского сыра.

Почему сыра? – Не знаю. Наверное, вкусно. Как аромат ее сонного тела. Это удивительно, но Марина до сих пор не проснулась. Она обладает удивительным свойством. Ко-

гда она спит, она абсолютно ничего не слышит. Абсолютно. Один раз мы поехали компанией отдыхать на природу. Марина легла спать – и проспала почти сутки. Никто не мог ее разбудить: ни мои поцелуи, ни ее подруга. Никто. Спала, как медвежонок в берлоге, свернувшись калачиком. Вот и сейчас, спит и ничего не слышит.

А я так не могу. Если я сплю в чужом месте, то все слышу. Меня даже раздражает звук выключенного телевизора. Не включенного, а выключенного. Такой нудный и тонкий. Тоньше, чем зудение комара. Грохот колесницы уже давно затих, и я начинаю различать звук зудящего телевизора. Он начинает действовать мне на нервы.

Встаю. Нажимаю на кнопку. Зуд прекращается. Но теперь это уже без разницы. Надо идти. Одеваюсь, целую в нос «сонного медвежонка», выхожу.

Вливаюсь в поток людей, идущих в одном направлении. Сегодня весь город движется в этом направлении. На МАКС. Вернее сначала на автобусную остановку, а уж потом на МАКС.

Автобус заглатывает очередную порцию приближенных. Охранники бегло проверяют соответствие фотографии на бейджике с моей физиономией и теряют ко мне всякий интерес. Теперь уже автобус вливается в поток машин, движущихся в одном направлении. Еще не жарко, но все окна уже открыты настежь. Через час-полтора здесь будет душегубка, а пока приятный ветерок обдувает лицо и настраивает

на благодушный лад.

У всех на шеях висят маленькие пластмассовые бейджики с фотографиями владельцев. Это знак особой касты, знак принадлежности к... небожителям. Бейджики висят на шеях, на синих фирменных ленточках, приколоты к костюмам английскими булавками, прилеплены к нагрудным карманам специальными «крокодилчиками».

Считается особым шиком прилепить этот бейджик как-то по-особому. Желательно, как можно небрежнее. На пояс или на воротник. У меня бейджик лежит в кармане, и я достаю его только, когда просят. Иметь бейджик сегодня круто. Практически, допельдон! А что? Может быть, действительно так оно и есть? Допельдон – это особая каста людей? Массонская ложа!

Нет, не то. Когда автобус привозит нас к проходным авиасалона и выплевывает на огромное асфальтовое поле, по периметру которого стоят солдатики, то все устремляются к центральным проходным, стараясь как можно быстрее влиться в маленькие ручейки-коридорчики. Каждый такой коридорчик заканчивается металлоискателем, и все обладатели бейджиков встают в эти коридорчики, встают добровольно, чтобы пройти через унижительную процедуру просвечивания и проверку на предмет проноса на территории охраняемой зоны запрещенных предметов: ножей, вилок, ножниц или, не приведи господи, другого какого оружия. И все они будут стоять в этих узких коридорчиках. Стоять час,

а если не повезет, то и два часа. Стоять как бараны. И безропотно выворачивать свои карманы и сумки.

Так что иметь такой бейджик явно не допельдон. Не может быть, чтобы моим словом называлось идиотское положение, в которое добровольно ставят себя тысячи людей. Мне что-то не хочется такой участи для своего слова.

Поворачиваю против людского потока. «Куда прешь? Не видишь, куда все идут!?» Дохожу до края огороженной площадки, отодвигаю в сторону турникет и подмигиваю солдатику, стоящему рядом. Мол, извини, братан, мне некогда, я пройду через вторую проходную.

Солдатик подмигивает в ответ, мол, не вопрос, иди. И через десять минут ходьбы прогулочным шагом я подхожу к точно такой же проходной, которая оснащена точно такими же металлоискателями, где меня точно также обыскивают с ног до головы, но... там нет очереди. Ну совершенно ни одного человека. Охранники зевают и вежливы до неприличия.

Еще бы хоть какое то развлечение.

Вот. Это допельдон! Нет, это не он, это так, мелкое использование знания рельефа местности. Просто я не первый раз уже участвую в этом авиасалоне, поэтому знаю, что вторая проходная для тех, кто приезжает на автомобилях, но пускают через нее всех.

Да и какой это может быть допельдон, если карманы все равно приходится выворачивать. На следующий день во всех новостях будут говорить о трудностях и невообразимых

очередях на авиасалон, о том, что некоторым не удавалось попасть на летное поле до самого вечера, а эта вторая проходная все время работы авиасалона будет практически пустой. И всего-то надо было пройти пешком в сторону десять минут.

Странно, но как только я пересек границу авиасалона, то о своем любимом слове, я до обеда практически даже не вспоминал. Некогда было. Не успели мы выставить перед центральным входом в наш шале баннер (ну тот самый, с «Добро пожаловать в Жуковский!») и вырезать физиономии у летчиков, как к нему сразу потянулась толпа празднующегося народу.

Все просто балдели от возможности вставить свою физиономию в это окошко и сфотографироваться. На память. И сумма в десятку никого особенно не смущала. Все-таки, как никак, «сбор средств на нужды музея». Благотворительность, блин. Как говорить, дело пошло.

Продохнуть смогли только где-то к обеду. Решил выпить пиво с Гариком, директором нашего музея, моим напарником и компаньоном. Оставили баннер на Галину Моисеевну и Лену, наших сотрудниц, и свалили.

Самая большая проблема во время авиасалона – взять пива и поесть. Цены ломовые, очереди бесконечные. С трудом, но нашли ларек, который был не на осадном положении. Взяли по паре сарделек и по две кружки пива. Пиво, конечно, дрянь. Одна пена. И за что только 40 рублей отдали? Ну да

ладно. Холодное, вкусное.

Сели. Отхлебнули. Вдруг рядом что-то загудело. Самолет? Такое впечатление, что тебе в ухо влетел большой стратегический бомбардировщик Ту-160. Нет. Не похоже. Шмель. Здоровенный такой шмелище. Полосатый, черно-оранжевый. Красивый. Гудел, гудел вокруг моего стакана и... упал в пиво. Бултых!

Тут-то я и вспомнил про свое слово. Ну, чем не допельдон! Представляете, сколько времени у меня ушло на то, чтобы объяснить, как долго и сложно мы добывали себе кусок хлеба и стакан воды, практически как неандертальцы, а тут какой-то шмель, почуяв запах хмеля, спикировал прямо в мое пиво и лишил меня моей законной добычи.

А тут достаточно сказать одно единственное слово: «Допельдон!» И все поймут, о чем идет речь. Ведь если бы кто-то посчитал, сколько раз шмель или какое другое насекомое обламывало желающего выпить пива человека, то уверен, получилось бы достаточно внушительное число. А это уже статистика! И для этого вполне можно использовать одно слово вместо целого абзаца. А что? Без всякого пафоса говоришь «у меня сегодня был допельдон» – и все понимают, что сегодня тебе в стакан с пивом упал шмель. Пока я об этом думал, шмель отчаянно боролся за свою жизнь. Наконец, мне его стало жалко, и я... вылил пиво на землю.

Представляете, как на меня посмотрели окружающие, особенно те, кто стоял в этот момент в конце очереди.

Самое обидное, что шмель успел принять смертельную дозу алкоголя и... умер. Жаль, конечно, беднягу. Но кто меня пожалеет? И тут я понимаю, что для подобного состояния, когда пива нет, а стоять в очереди – подвиг, уже придумали слово, и это слово – «облом». Меня спасает Гарик! Он переливает половину янтарного напитка из своего стакана в мой и говорит:

– Ладно, не горюй, давай лучше выпьем за меня!

– Вот это тост! Не, ну ладно там за нас, или за наше безуспешное дело, или за упокой души шмеля, а тут «За меня!» – недоуменно смотрю ему в глаза и в ответ слышу:

– Знаешь, я скоро стану отцом!

Причем Гарик не говорит мне эту фразу, а в буквальном смысле орет мне ее в лицо, он сидит напротив меня, потому что в этот момент над нашими головами как раз крутятся на реактивных самолетах французские асы из команды «Фречи Триколоре» и пронзают стрелой нарисованное сердце.

И снова в моей голове родился «допельдон». Вот! Вот отличное слово! Ведь вместо целого предложения «я скоро стану отцом» можно сказать всего одно слово «Я – Допельдон». Здорово! И нагрузка на ухо гораздо меньше. Говорить что-то в ответ просто нет смысла. Все равно не услышит. Поэтому я молча поднимаю вверх большой палец, мы стукаем пластмассовые стаканы друг о друга! Надо бы, конечно, порадоваться за друга, но грохот стоит такой, что просто ничего не слышно. Читаю по губам, что жена на восьмом месяце

беременности и УЗИ показало, что будет девочка.

Тут я вспоминаю про своего сына, про то, что не видел его уже почти две недели и что он еще не разу не был на этом грандиозном авиашоу.

Достаю мобильник, набираю его номер, но, вместо привычно канючного «Ну что тебе, пап?», слышу «Вызываемый Вами аппарат находится вне зоны досягаемости. Перезвоните позже». Фак. Даже мелодичный женский голос не может скрасить той тоски, которая появилась в моей груди от этих слов. «Вне зоны досягаемости».

В голове рождается мысль, подарить свое слово сотовому оператору. Пусть дамочка в телефоне говорит всего лишь одно мое слово. «Допельдон!» Чего тянуть резину-то? И так понятно, что с сыном мне сейчас не поговорить. И не за чем слушать эту фразу, длиннющую как забор летно-исследовательского института и лишенную всякого положительного смысла.

* * *

Ближе к вечеру телефон, до этого мертвым грузом лежащий на дне кармана моей джинсовой куртки, ожил. Сначала зашевелился, приятно щекоча пузо, а потом запищал, как маленький серый мышонок.

Марина! Солнце мое! Ей не терпится рассказать мне самую главную новость дня. Вот уж действительно сегодня ка-

кой-то особенный день! Я был уверен, что ничего значительнее, чем новость о прибавлении в семействе друга быть не может. Оказалось, что я ошибался! Причем существенно! То, что сказал мне Марина, вполне могло бы потянуть на то, чтобы я мог подарить этому событию свое новое слово. Безвозмездно. То есть даром.

Помните Вику. Фею. Ну, ту самую, у которой мы пили «Изумрудную лозу». Так вот эта фея совершенно недавно собралась выйти на работу после короткого шестимесячного декретного отпуска. Уже самое это в наше время звучит героически. Не то, что решила выйти, а то, что шесть месяцев назад она решила родить ребенка. Одна, без мужа. Отец ребенка растворился в небытие сразу после того, как узнал о том, что фея беременна. Обычное дело в наше время. Но она все равно решила рожать и родила. Отличного парня – Кирюху. В тот вечер, когда мы пили вино, он был у бабушки.

Так вот «фея» работала на крупном предприятии руководителем отдела кадров, и, как девушка ответственная, она была абсолютным патриотом своей фирмы. Абсолютным, ну просто до неприличия. Настоящим ударником капиталистического труда.

Предприятие было очень крупное, с иностранным капиталом. И должность ее была не последняя. Если не сказать больше. Фактически Вика была вторым человеком на этом заводе. На ней висели все трудовые взаимоотношения с коллективом. Попала она на эту должность не по протекции, а

выдержав большой конкурс. И не мало сделала на этом месте до того, как решилась на декрет.

Не мало, это не то слово. Когда она пришла на свое, тогда еще новое место работы, отдела кадров как такового не существовала, и вся документация была в самом запущенном состоянии. Ей пришлось почти год все восстанавливать и приводить в порядок. Собственно, когда случился Кирюха, процесс оформления договоров, отпусков, больничных и прочих документов был полностью налажен и работал как часы. Девушки-помощницы вполне справлялись с текучкой, и отсутствие Вики на рабочем месте в течение полугода не могли ничего изменить. Полгода... Это она сама определила себе такой срок, когда на работе ничего сверхъестественного произойти не могло.

Генеральный директор предприятия со слезами на глазах провожал Вику в роддом и клятвенно обещал, что ее здесь все ждут. Как оказалось, генеральный директор сразу, как только Вика ушла, взял на работу свою любовницу. Под его чутким руководством она сделала стремительную карьеру, и к моменту выхода Виктории из декрета оказалась на ее, Викторином, месте.

«Мы в ваших услугах больше не нуждаемся!» – сказал в первый же день «фее» новый начальник отдела, сидя в кожаном кресле за широким столом и рассматривая свои накладные ногти. Сидела эта дамочка в только что отремонтированном кабинете. Причем средства на ремонт кабинета

в бюджете запланированы не были, а рабочим уже на полмесяца задерживали зарплату. Вот когда мы втроем пили то самое вино, мы занимались как раз тем, что, как могли, отвлекали Вику от нехороших мыслей о несправедливости судьбы и прочее бла-бла-бла.

Нет, кончать жизнь самоубийством как мать-одиночка, она, конечно, не собиралась. Вика держалась молодцом и уже договорилась о трех собеседованиях на следующий день. Специалисты ее уровня требовались везде. И это правда. Но специалисты без грудного ребенка. Справедливости ради надо сказать, что на следующий день ей все отказали под всякими благовидными предлогами, хотя было понятно, что из-за ребенка.

«Мы в ваших услугах больше не нуждаемся!» — я однажды уже слышал такую фразу в свой адрес. Именно поэтому я дал себе зарок никогда больше не работать на чужого дядю, чтобы никогда больше не слышать таких слов в свой адрес. Поэтому я как никто другой понимал, что творится сейчас в душе у Вики. Я хоть не рожал, но у меня тоже в тот момент, когда я услышал эти слова, был маленький сын и еще молодая жена, которая не работала.

Так вот, когда мне позвонила Марина, то сообщила, что тот самый начальник отдела кадров, который указал Вике на дверь, уволен. Да-да! Представляете! И уволили любовницу вместе с шефом, генеральным директором.

На предприятие неожиданно приехала комиссия от учре-

дителей кампании, аж из самой Бельгии. Как оказалось, этот самый генеральный директор вместе со своей подругой успел такого наворотить на предприятии, что был выдворен за порог до окончания срока контракта. Причем незаконный ремонт кабинета – это был лишь маленький и не самый значительный эпизод, который попадал под статью «нецелевое использование средств», попросту говоря «воровство». Как известно стройка и ремонт – самый надежный способ умыкнуть бюджетные деньги. Мало того, в составе комиссии был человек, который лично знал нашу Вику, встречался с ней где-то на семинарах, и который объяснил председателю комиссии всю ситуацию. И ее восстановили в должности с повышением оклада.

Представляете! Каких-то два дня назад казалось, что у Вики нет никаких шансов. Ну не бывает в нашем мире справедливости! И вдруг такое! Вот уж поистине допельдон! Счастливый случай! Улыбка Бога, которая случается так редко.

Пицца, пиво, секс и DVD

Звонок Марины застал меня у входа в шале. В это время в небе над Жуковским порхал маленький спортивный самолет Як-52, в котором, если верить диктору, сидела женщина, мастер спорта по высшему пилотажу.

Самолетик крутился в небе, как пчела, и это было последнее выступление сегодняшнего дня. Пока Марина пересказывала мне рассказ своей подруги о том, как ее вызвал председатель комиссии, что говорил и как он при этом выглядел, я, будто радиокompас, повернулся лицом в том направлении, где в этот момент, по моему мнению, и должна была находиться Марина.

И направление это очень сильно совпадало с выходом с территории авиасалона. Скорее, скорее, с этого пыльного и шумного поля к ней, к моей любимой.

Снова через вторую проходную, мимо толпы посетителей, штурмующей автобусы. Пешком. И будто на крыльях. Не замечая расстояния, жары, духоты и песка, скрипящего на зубах. Каких-то двадцать минут – и вот, я вхожу в кабинет Марины. Она работает здесь же рядом, в небольшом и очень уютном кафе. Бухгалтером. Мой камертон где-то там внутри меня, в самой нижней части живота, начинает свои колебательные движения. Я стараюсь приостановить их невидимый бег, и это мне практически удастся. Хотя я знаю, что это не

ненадолго. Только до того момента, пока я не прикоснусь к ней.

«Сейчас-сейчас, пойдем!» – говорит мне Марина, перекладывая какие-то бумаги и выбивая пальцами по клавишам калькулятора. «У меня где-то пятьсот рублей потерялись. Найду, и пойдем». О, как она в эти моменты прекрасна. Богиня чисел, королева порядка, неприступная, как крепость, и доступная, как жрица любви!

И именно поэтому я намеренно не подхожу к ней, а сажусь за соседний стол и смотрю на нее, не отрываясь. Через какое-то время Марина замечает мой пристальный взгляд и смущается.

- Не смотри так на меня!
- Почему?
- Ты что давно меня не видел?
- Да, давно. Целую вечность!
- Не придумывай!

Даже не вооруженным глазом видно, как между нами пробежала искра. Чтобы разрядить обстановку, Марина уводит разговор в сторону.

- Расскажи, что там на аэрошоу?
- Да все нормально.
- А что с «Копресом»?

Так называется фирма, от имени которой я носил письма в Управление культуры.

- А ничего, Игорю удалось продлить срок подачи доку-

ментов в казначейство до конца авиасалона, но это ведь все равно не реально!

Мне не хочется говорить сейчас о делах. Внизу моего живота пульсирует камертон. И стрелка уже вот-вот замрет в верхней точке.

Марина улыбается мне в ответ на мои призывные знаки глазами, но от темы не удаляется. Не реально! Уж кому как не ей, это известно. Ведь нужно представить баланс предприятия с отметкой налоговой инспекции. А подделывать печать этой организации никто не возьмется.

– Может быть, можно заменить «Копрес» на какую-то другую фирму?» – спрашивает Марина.

– Не знаю, завтра спрошу у Игоря, он сказал, что возьмет все разборки с Управлением на себя.

Я встаю со стула, обхожу стол и прижимаюсь своими губами к губам Марины. Она, смеясь, отстраняется.

– Что ты делаешь? А если кто войдет?!

– Ну и пусть! Пусть все видят, как я тебя люблю!

И она снова улыбается. Эта улыбка Мадонны сводит меня с ума. Я вою в потолок и плюхаюсь назад на свое место. Знаю, пока эти проклятые пятьсот рублей не будут найдены, Марина не двинется с места.

Мне ничего не остается делать, как перекладывать мелкие предметы на столе и успокаивать свой камертон. Две кнопки, шесть скрепок, одна из них разогнута, одна булавка. Десять копеек. Колпачок от шариковой ручки. Все это вытягивается

в одну прямую линию, от одного края стола в сторону другого края. Не хватает. Ищу глазами, чтобы такое положить, чтобы точно достать край стола. Карандаш. Лег нормально, но стержень чуть-чуть выступает за край. Это меня раздражает, и я сминаю свою стройную линию. А затем снова начинаю выкладывать все в прямую линию, хоть и знаю, что все равно в конце стержень карандаша будет выглядывать за край. Камертон внутри меня мерно отсчитывает время, которое я считаю потерянным и выкинутым из жизни. Ну почему так долго? Почему?

К столу Марины потянулись повара и официанты. За зарплатой. Она разделяется с ними лихо, не отрываясь от поиска проклятой пятисотки. Зашел водитель. Взял денег на закупку и бензин. Позвонил директор, оставил распоряжения на завтра. А я все сижу и выкладываю свою линию. Наконец, не выдерживаю и ломаю кончик карандаша. И сразу в голове рождается: «Допельдон!» Вот это да? Почему в этот момент у меня родилось это слово? Аккурат, вместе с хрустом сухого дерева. Смотрю на Марину, она перехватывает мой тоскливый взгляд и смущенно приговаривает:

- Сейчас, сейчас еще в одном месте посмотрю – и пойдем!
- Да не спеши, ищи свои деньги спокойно, – успокаиваю ее. – Мы же ведь сегодня никуда не спешим?
- Если тебе никуда не надо, то я совершенно свободна.
- А свекор?
- Его не будет.

– Свекровь?

– На даче.

– Марат?

– С ней.

– Ну вот видишь все отлично, я тоже свободен, – улыбаюсь я, успокаивая свой живот. – Дай, мне точилку.

– Зачем?

– Карандаш сломался.

Марина протягивает мне точилку в виде космической ракеты. Я кручу ее в руке, а потом начинаю выкладывать свою линию. Одна скрепка, еще, еще, еще, булавка, десять копеек, еще одна скрепка. Та, которая разогнута. Потом хитрю, разгибаю еще одну скрепку, и у меня остается как раз расстояние, чтобы положить ракету. Все сошлось. От края до края. Что называется тютелька в тютельку. И снова в моей голове проносится: «Допельдон!»

Именно в этот момент Марина закрывает свой грессбух и произносит сокровенное:

– Ну все, пошли!

– Нашла?

– Нашла.

Дзинь! Струна лопнула, и камертон начинает раскачиваться. Мы выходим на улицу, держась за руки. Энергия спокойно переливается от меня к ней и обратно. Жара уже спала, появился легкий ветерок. Приятно. По дороге обсуждаем, что будем есть на ужин. Это уже похоже на ритуал, пото-

му что после долгих гастрономических споров одновременно приходим к выводу, что самым замечательным блюдом для сегодняшнего вечера будет – пиво и пицца.

Пиво «Жигулевское» в пластиковых бутылках. Но чтобы обязательно «Рязанское». Коричневая пробка. Безо всяких надписей сверху. Это важно, потому что есть еще «Жигули» Очаковского завода. Черная пробка с фирменной надписью «Очаково». Так вот, это совершенно не то. Совершенно. У рязанского пива сохранился настоящий запах хмеля и чуть горьковатый привкус, а очаковское пиво безвкусное. От него только в туалет хорошо бегать. Быстрая реакция.

Пицца. Если Вы когда-нибудь будете в нашем городе, то непременно закажите себе нашу, «Жуковскую» пиццу. Запишите телефончик: 7-53-13. Контора называется «Пицца приехала». Здесь пиццу делают золотыми руками. И это не просто слова.

Тесто действительно катается тут же, на месте. Никаких полуфабрикатов. Затем его запекают на открытом огне, на нормальном растительном масле, и наполняют разными ингредиентами. На выбор. По телефону Вам будут навязывать «Маргариту» – это густая смесь из мяса и овощей – или «Максиму», где тоже всего навалено по-максимуму. Но вы откажитесь и закажите «Ветчинку». Только обязательно попросите дополнительно добавить в нее сыра. Так и скажите: «Ветчинка плюс сыр, пожалуйста!» Хотя нет, может быть, к тому времени она будет уже называться «Допельдон».

Честное слово – нет ничего вкуснее этой пиццы. Там нет никакого лишнего вкуса, только хлеб, только ветчина и сыр. Сыра много, и он растекается ровным слоем по всей поверхности пиццы, оставив лишь небольшие розовые островки. Пицца обязательно разрезана на восемь разных кусочков. Есть кусочек поменьше, есть побольше. Каждый найдет себе свой размер. Пицца очень удобная. Если заказываешь на троих, то ее как раз хватает на всех, а если на двоих, то хватает, чтобы наестся и еще чуть-чуть на завтрак.

В течение часа по любому адресу в черте нашего города вам привезут этот маленький кусочек горячего солнца диаметром сорок сантиметров. По городу его возят в специальных пенопластовых коробках, которые отлично сохраняют тепло. Так что можете не сомневаться, Вам его привезут в наилучшем виде, что называется «с пылу-жару».

Вот и мы не сомневались, что нам привезут нашу любимую пиццу точно в срок. С мобильного сделав заказ, мы успеваем зайти в магазин, взять пиво и дойти, или скорее добежать, до Марининой квартиры.

К этому времени камертон раскачался уже до такой степени, что мы вывалились из лифта склеенные поцелуем, как сиамские близнецы. Ставим рекорд по вскрыванию дверей и врываемся в прихожую. Но упасть на пол было бы преступлением. На нас – слой пыли и пота. Целый день стояла нестерпимая жара. У меня вообще шея обгорела. И спасение от этого – душ. Хороший, освежающий душ.

С трудом разлепляемся. И смотрим друг другу в глаза. «Ну, кто первый!» Уступаю. Не без тайного умысла. Обожаю, когда она выходит из ванной комнаты. Словно Венера из пены морской. Вся такая свежая, пахнувшая чем-то невообразимо возбуждающим, завернутая в большое махровое полотенце. Вытирая мокрые волосы, намазывая какой-то крем на лицо, Марина проходит в спальную комнату и валится на постель. «Ох, как я устала!» А мой камертон, к тому моменту несколько успокоившийся, снова начинает раскачиваться. «Ну давай, ставь фильм, посмотрим!» «Сейчас, только ополоснусь!» – отвечаю и скрываюсь в ванной.

Возвращаюсь через несколько минут, также завернутый в полотенце. Принцесса лежит в постели, скорее полулежит, опираясь спиной на подушку. В комнате царит полумрак. Свет только от телевизора, на котором застыла картинка с кадрами фильма «Мама, не горюй». Как раз на том самом месте, где мы закончили смотреть вчера.

В приоткрытое окно доносится шум засыпающего города. Далекие гудки паровоза, голоса молодежи на лавочке под окном. К подъезду подъезжает машина. Хлопнула дверь. В руке у Марины сигарета. Затягивается. Разгорается красный огонек. В другой руке – пульт от телевизора. Марина нажимает на кнопку «пуск» – и картинка телевизора оживает. Звук фильма оглушает. На экране телевизора появляется дорожка, снижающая уровень звука.

Сажусь на край постели и наливаю в бокалы пиво. Один

протягиваю Марине. Спрашиваю:

– Что? Будем смотреть фильм?

– Не знаю, – в темноте не видно, как она пожимает плечами. – А ты что предлагаешь?

– Как скажешь, можем и кино посмотреть, – говорю ей в ответ, одновременно наклоняясь и целуя ее в мизинчик.

Это единственная эрогенная зона на теле Марины, до которой я могу дотянуться, не расплескав пива. Она вздрагивает и поджимает ногу.

– Ну, не надо. Мы же решили кино смотреть!

– Конечно, решили!

Ставлю бокал на пол и, разворачиваясь, ложусь на живот, так, чтобы было удобно целовать ее ноги. Касаюсь губами ее лодыжек. Самых красивых лодыжек в мире, тонких и сильных, как у лани. Именно в этот момент я понимаю смысл выражения «дрожащая лань», потому что Марина глубоко вздыхает, и ее ноги начинают дрожать. Эта дрожь есть отражение моего камертона, который пульсирует все это время в нижней части моего живота.

Скользя по тонкой и хрустящей простыни, я покрываю поцелуй за поцелуем все ноги Марины. Мне хочется покрыть поцелуями каждый сантиметр ее прекрасного тела, и с каждым прикосновением губами я все ближе и ближе подбираюсь к ее цветку. В темноте не видно, но я ощущаю по аромату, что он вот-вот уже должен раскрыться.

Наконец мои губы касаются лепестков, тонких и нежных,

как у розы. Я вдыхаю их запах, и у меня начинается кружиться голова. Марина тихонько стонет. Я поднимаю голову и вижу, как плавно качается ее грудь. Марина старается не дышать, ей не удобно. В руках пиво и сигарета. Пепел вот-вот упадет на простыню. Останавливаюсь и, отжавшись на руках, выпрямляюсь. Сейчас я похож на оскалившегося волка, который склонился над своей жертвой. Марина ставит бокал на стол, стряхивает пепел в пепельницу и кладет рядом сигарету. Дымок тонкой струйкой поднимается вверх, добавляя к запахам, которые витают в воздухе, тонкий аромат табака. Марина курит дорогие, «Давидофф».

Все, теперь ее руки свободны, она гладит мои волосы, притягивая меня к себе. Я не удерживаюсь на руках и валюсь ей на грудь. Следует короткая борьба, и вот уже Марина сидит на мне сверху, и я чувствую, что полностью вошел в нее. Мягко и естественно, как в поднимающееся тесто. Марина откидывается чуть назад и начинает плавные волновые движения. В сумраке комнаты видны только ее очертания, ее тело полностью загородило экран телевизора и как будто светиться изнутри. Мешают только голоса фильма. Помогаю Марине найти ритм и одновременно ищу руками пульт. Это немного отвлекает. А мне это и надо, чтобы не достичь вершины раньше нее. Наконец, мне удастся нащупать пульт и выключить телевизор. Комната мгновенно окунается в темноту и тишину, которая прерывается только нашим ритмичным дыханием. Теперь Марину уже совсем не видно. И это

позволяет ей полностью расслабиться. Как и любая красивая женщина, она не любит, когда на нее смотрит партнер, и может полностью раскрыться только в темноте. И вот мы плывем с ней, плавно перебираясь с волны на волну, с каждым разом взбираясь, все выше и выше. Мой камертон уже давно не бьется, стрелка застыла и напряжена до предела в верхней точке. Я чувствую, что обгоняю свою принцессу в гонке за удовольствием, поэтому стараюсь отвлечься. Я хочу, чтобы она опередила меня. Но Марина необыкновенно чуткая. Она кожей ощущает, что я ухожу от нее, и кладет мне руку на грудь, начинает гладить мои соски. Теперь уже я не выдерживаю и издаю стон. С трудом выдавливаю из себя: «Наверное, надо позаботиться о безопасности?» Марина наклоняется вперед и достает из-под подушки заранее приготовленный презерватив. Зубами рву оболочку и достаю колечко с запахом апельсина.

Марина чуть привстает, выпуская меня, и я быстро одеваю его на себя. Это движение настолько у нас отработано, что мы практически не останавливаемся в нашем беге по волнам. Я снова вхожу в нее, на этот раз неистово обхватываю руками ее бедра. Принцесса не маленькая девочка, но у меня все равно достаточно сил, чтобы поднять ее над собой и войти как можно глубже. Мы начинаем плавно раскачиваться, я с каждым разом увеличиваю амплитуду.

Я чувствую, как ее внутренние мышцы напряглись и обхватили меня в тугое кольцо. Значит, Марина уже на верши-

не, но теперь и меня ничего не держит. Я отпускаю себя и взрываюсь. Одновременно с ней. Перед глазами бегают звездочки, а Марина бессильно падает на мне. Какое-то время я еще чувствую, как ее мышцы пытаются выжать из меня последние соки. Но это бесполезно, их и так уже нет. Я отдал себя всего без остатка. «Мне так хорошо!» – шепчет Марина, а я молчу и только глажу ее по голове, вдыхаю запах ее волос, уже высохших и пахнувших сеном.

Зачем что-то говорить, если и так все понятно. И в этот момент раздается звонок домофона. Марина вздрагивает, напрягается и смотрит на меня. В темноте я с трудом вижу ее глаза. В них застыл немой вопрос: «Кто это?» Я вижу, как Марина перебирает в голове возможные варианты, но самого простого ответа, того, что лежит на поверхности, она не видит. Улыбаюсь, прижимаю ее к груди и переворачиваю ее на спину. Смеюсь: «Пицца приехала!»

Марина расслабляет свои мышцы и выпускает меня на свободу. Я вскакиваю, в темноте нащупываю брюки и с криком «Сейчас! Сейчас!» выскакиваю в коридор. Не уверен, правда, что меня кто-то слышит, но я, продолжая кричать, подбегаю к домофону, снимаю трубку.

– Пиццу заказывали! – слышу я голос разносчика.

– Да, конечно! – отвечаю ему и впускаю в подъезд.

Пока разносчик поднимается на четвертый этаж, я успеваю одеться и открыть все двери. Вручаю деньги:

– Спасибо!

Взамен получаю безумно вкусно пахнущий белый квадрат:

– Приятного аппетита!

Руки через картон ощущают тепло, по коридору распространяется аромат свежего теста вперемешку с ветчиной и сыром, от которого начинает сосать под ложечкой. Только сейчас я вспоминаю, что не завтракал и практически не обедал. Разве можно назвать обедом одну сардельку с половиной кружки пива.

Закрываю за собой все двери и возвращаюсь в комнату. В темноте виден только красный огонек сигареты. Значит, где-то там находятся губы моей принцессы, мягкие и сладкие, как дольки дыни.

– Неужели уже прошел целый час?! – говорит моя принцесса.

– Не уже, а всего лишь час! Когда мы заказывали пиццу, было восемь, а сейчас девять!

Электронный циферблат будильника возле постели как раз только что перескочил с 20:59 на 21:00.

Марина выпускает кольцо дыма в потолок:

– О господи, я думала, что прошло уже часа три или четыре!

– Ну, все правильно, счастливые часов не наблюдают! – говорю я в ответ и кладу коробку с пиццей на край постели. – Надеюсь, что тебе было хорошо!

Вместо ответа Марина протягивает ко мне руки и говорит:

– Иди скорее ко мне!

Ложусь с ней рядом. Обнимаю. Ее кожа такая бархатная и нежная, что я снова ощущаю внутри себя некую пульсацию.

– Так хорошо мне уже было с тобой один раз, – говорит Марина, намекая на то, что мы достигали уже вершины одновременно.

– Два, – поправляю, – второй раз было в гараже у Вики. Помнишь?!

– Помню, – Марина прижимается ко мне. – А первый раз помнишь?

– Помню!

И мы смеемся, потому что первый раз было на мой день рождения. Мы сняли тогда номер в одном доме отдыха, и когда заселялись, я перепутал двери. Вместо своего номера, я открыл дверь подсобного помещения, где хранились швабры и прочий инвентарь горничных. «Ну ничего и здесь тоже люди живут», – в этот момент было «написано» на моем лице. Потом Марина часто рассказывая это эпизод, говорила, что я хотел запереть свою принцессу в шкаф. На самом деле, я встретил охранника, соседа по дому, который узнал меня, и мне очень хотелось скрыться где-нибудь.

В общем, ситуация в любом случае была комичная. И мы всегда смеялись, вспоминая ее. Наш смех сливается с трелью телефона. В это время всегда звонит Вика. Она только что уложила спать своего Кирюху и хочет поделиться с Мариной последними новостями. Обычно, Марина снимает трубку и

говорит, что перезвонит позже, когда уйду я. Но сегодня я никуда не ухожу, поэтому Марина извиняющееся смотрит на меня и просит разрешения поболтать с подругой. Разве я могу в чем-то отказать своей принцессе?! «Конечно, болтай! – говорю. – А я пока пойду, подогрею пиццу для тебя!» Я знаю, что Марина любит, чтобы пицца была горячая, обжигающая, поэтому, как бы быстро не привозили пиццу, она все равно просит разогреть ее в микроволновке. Довольная Марина посылает мне воздушный поцелуй и прижимает к уху трубку телефона, а я ухожу на кухню, где погружаюсь в мысли о своем новом, еще нигде не использованном слове, и о сегодняшнем дне.

По поводу слова я пришел к выводу, что «допельдон» однозначно не имеет никакого отношения к моим взаимоотношениям с Мариной. Он или оно ни разу не (появился) появилось у меня в голове с того момента, как я взял Марину за руку, выходя из кафе. Обидно, конечно, но тут уж ничего не попишешь. Как говорить, насильно мил не будешь.

Что же касается сегодняшнего дня, то в голову пришла одна где-то вычитанная фраза, которая гласила, что влюбленным дается только один день, когда у них все-все получается. Я стал прикидывать в уме, а все ли у меня сегодня получилось? Кажется все.

– Марин, а у тебя сегодня все получалось? – кричу из кухни.

Слышу, как Марина просит Вику обождать и переспра-

шивает:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, вообще!

Марина какое-то время молчит, а потом отвечает:

– Я не могу так сразу сказать, мне надо подумать!

Улыбаюсь:

– Ладно, проехали!

Могла бы и сказать, что да. Но понимаю, что это не в ее характере, делать такие заявления.

День! Микроволновка сообщает мне, что выбранный Мариной кусок подогрелся до требуемой кондиции. Вынимаю его и несу к любимой. Марина быстро прощается с подругой и берет в руки отставленное пиво.

– А к чему ты это спросил?

– Да вот вспомнил фразу. Говорят, что влюбленным дан только один день, когда у них все получается.

Она смотрит на меня пристально:

– Ты думаешь, что у нас сегодня как раз этот день?

Пожимаю плечами:

– Ну, у меня вроде сегодня нет ничего такого, что я не сделал!

Марина откусывает пищу:

– Знаешь, а у меня тоже вроде все получалось!

Неужели... И мы смотрим друг на друга с грустью в глазах. Разряжает обстановку Марина.

– Знаешь, а я, наверное, одно дело все же не сделала.

– Какое?

– Да там по бухгалтерии, по второй фирме, – она задумывается. – Блин, а ведь надо было сделать сегодня!

Тут я понимаю, что если Марину не остановить, она сейчас вскочит и побежит к своему компьютеру, печатать очередные платежки. И я набрасываюсь на нее с новой силой. Ближе к полуночи, когда мы смогли еще раз удовлетворить себя и, наконец, доели пиццу и досмотрели фильм, я тоже вспоминаю одно дело, которое сегодня не смог сделать. Я так и не дозвонился до сына.

И в тот момент, когда я, засыпая, про это подумал, в голове снова родился: «Допельдон!»

Кому подарить слово?

Меня снова разбудил писк выключенного телевизора. Это просто бред какой-то. Почему этот писк меня будит? Или нет, не так, почему я все время от него просыпаюсь? Я не открываю глаза, чтобы посмотреть на будильник и узнать сколько время. Я не сомневаюсь, еще рано. И уверенность эта основана на шумах за окнами. К подъезду подъехала мусороуборочная машина, и, как минимум, два дворника стали с грохотом и матюгами загружать в нее продукты жизнедеятельности жителей подъезда. К Марининому подъезду дворники подходят в шесть часов. Так что можно еще лежать, как минимум, два или три часа.

Лежу на спине, вытянув руки вдоль тела, не шевелюсь. Где-то рядом слышу ровное дыхание Марины. Пытаюсь представить, как лежит она. Скорее всего, свернувшись в комок, как медвежонок в берлоге. Это ее любимая поза. И, скорее всего, спиной ко мне. Конечно, можно протянуть руку и обнять ее, но я точно знаю, что если это сделаю, то снова начну раскачивать свой камертон, а сейчас это бесполезно. Медвежонок не разбудить? Поэтому лежу, не шелохнувшись, и пытаюсь полностью отрешиться от реального мира, который врывается в мое сознание через ушные раковины.

Просту говоря, я пытаюсь снова уснуть. Но не тут-то было. В голову лезут утренние мысли. Утренние мысли от-

личаются от вечерних тем, что они у меня, как правило, всегда светлые и позитивные. Но почему-то не сегодня? Я вспоминаю, что сегодня пошел четвертый день с того момента, как я придумал слово «допельдон». Хотя, что значит придумал? Оно само появилось в моей голове. Само!

И что это значит? Только то, что это слово мне туда кто-то подкинул. Кто? И самое главное для чего? Ну «кто» более и менее понятно. Тот, Кто свыше. Тогда для чего? Какая муторная мысль! И вроде бы трезвый! Не то, что в первый день. Кстати, почему он был таким запоминающимся?

Запоминающимся своими ужасами и гнетущим настроением, когда во всем виделось только плохое. Я вспомнил, как в тот день побрился, и пошла кровь. Она ручьями стекала по белой раковине, и я никак не мог остановить ее. Вспомнил все, что было со мной в тот день и о чем думал. Вспомнил даже своего соседа, дядю Женю, с которым столкнулся, когда входил в свою квартиру.

Когда он напивается и не может идти, то ложиться в подъезде, раскинув руки, и начинает храпеть. И всем приходится скакать через дядю Женю по перилам. Дело в том, что он такой толстый и тяжелый, что его не могут поднять даже четыре человека. Один раз соседка вызвала милицию, чтобы его забрали в вытрезвитель, но и целый наряд не смог сдвинуть соседа с места и даже разбудить. Но вспомнил я его не по этому поводу. В тот день дядя Женя был трезвый, возвращался со своей собачкой с прогулки. И мы одновременно от-

крыли двери своих квартир. В свое время он ставил металлическую дверь и поставил не как положено, а, можно сказать, задом наперед. В общем, если открывать двери моей и его квартиры одновременно, то они в середине пути встают в ступор и заклинивают. В тот день мы, конечно, посмеялись друг над другом и по очереди вошли в квартиры.

Но сейчас я подумал, случись что: пожар, теракт, взрыв газа, да что угодно – протиснуться в узкие дверные проемы не сможет никто. Ни моя семья, ни его. Мы будем одновременно надавливать на двери, пытаясь их открыть, и от этого двери будут только еще больше клинить, усугубляя ситуацию.

Когда счет будет идти на секунды, никто не захочет уступать. Никто. Стало страшно и тоскливо за свою семью. И я открыл глаза. Тьфу ты, черт! Мысли о неприятностях уже затрахали! Надо с этим что-то делать? «Веселая» вода – не выход. Так и спиться можно. Тем более, что я еще так ничего и не сделал. Ничего особенного. А пора бы уже. Все-таки 36.

В связи с этим возникает еще один вопрос. А стоит ли вообще кому-то рассказывать о допельдоне. И как это сделать? Не подойдешь же к кому-то просто так и не спросишь: «А ты знаешь, что такое допельдон?» Ведь это будет практически третьим рождением слова. Или нет, чем-то другим. Свадьбой, после которой рождения просто не может быть.

Человек, который узнает от меня это слово, пусть пользуется им по своему усмотрению. И если это будет хороший че-

ловек, то у него это слово будет с хорошим оттенком, а если человечек так себе не очень, то у него слово будет с плохим оттенком. А с каким оттенком у меня? Представил лист бумаги и попробовал написать на нем все смыслы и значения, которые я придумал своему слову за три дня. Получилось, что всего приблизительно поровну. Значит, я ни плохой, ни хороший человек. Я что-то среднее. Как на весах. Баланс.

Значит, к выбору человека, которому я подарю свое слово, нужно подойти ответственно. Кстати, действительно это будет подарок. Настоящий. Взамен ведь вряд ли кто-то подарит мне другое новое слово. Вряд ли. Поэтому к выбору человека, которому будет подарено слово, надо отнестись ответственно.

Кому? Марине? Она, конечно, меня поймет. Должна понять. Она всегда меня понимает, но... она сочтет это забавной штукой. Не более. Она не сможет отнестись к этому серьезно. Ольге, моей жене? Она уже давно относится к моим идеям снисходительно. Мол, что с него взять. Если так разобратся, то у меня нет тех, с кем можно было бы поделиться таким серьезным делом как новое слово. Пожалуй, только одному человеку я могу доверить его. Моему сыну. Он, конечно, парень современный, и для него слово имеет меньшее значение, чем цифры 0 и 1, основа компьютерного кода, но, тем не менее, мне кажется, что сын сможет меня понять. И потом он еще учится, а значит, ему можно будет объяснить, что это за слово и научить, как им пользоваться.

От этой мысли становится светло и радостно. И сразу хочется поделиться с кем-то своим радостным настроением. Мое тело оживает, и я кладу руку на бедро Марины.

Как разбудить медвежонка?

За окном начинает орать автомобильная сигнализация. Долго, нудно. Потом пик-пик. И снова тишина. Блин, наверное, половину дома перебудила, а мой медвежонок даже на другой бок не повернулся. Спит. Вот что значит сова. Но мое прикосновение к ее телу запускает часовой механизм, и я уже не могу остановиться. Прижимаюсь к ней грудью и тихонько на уху шепчу:

– Медвежонок! Просыпайся!

– Сейчас, сейчас, еще минуточку... – бормочет спросонья Марина. – Сколько время?

– Уже десять часов!

– Что? – Марина вздрагивает и пытается открыть глаза. – Правда!?

Но организм не обмануть. Ему нужно спать еще, как минимум, час, поэтому, увидев на часах 8:05, она бессильно падает головой на подушку и недовольно ворчит:

– Зачем ты обманываешь?

– Я тебя не обманываю, – шепчу я Марине, нежно касаясь губами мочки уха. – На Сахалине сейчас вообще вечер.

– Ну, так то на Сахалине, – отвечает Марина и, повернувшись, пытается «зарыться» мне под мышку. – Ну, пожалуйста, пожалуйста, давай еще поспим чуточку?

– Давай! – соглашаюсь со своей принцессой.

Сейчас я уже могу положить руку ей на грудь и начинаю поглаживать сосок.

Через несколько секунд, когда я чувствую, что он набух и затвердел, моя рука медленно сползает по бедру, пытается проникнуть в ложбину между ног, но они еще крепко сцеплены, и это не совсем удобно, поэтому я возвращаюсь назад. Одновременно с этим движением, принцесса снова разворачивается ко мне спиной, но на этот раз ее бедра прижимается ко мне так плотно-плотно, что мой жезл, к тому моменту еще лишь слегка набухший, оказывается между двух половинок ее попы. Это похоже на «хот-дог» в микроволновке.

Мысль о том, что я нахожусь практически в ней, а также ее жаркое тело мгновенно разогревают меня до нужной кондиции. Это такое блаженство – целовать Марину в шею, гладить грудь и прижиматься сзади. Грудь у принцессы большая и спелая, как груша, полностью уместается у меня в руке, и я не могу до конца насладиться той радостью, что держу ее в ладони. Пальцы горят. Какое-то время мы лежим, практически не двигаясь. Потом я начинаю совершать легкие колебания бедрами, Марина также еле заметно отвечает мне.

Она, конечно, уже не спит, но еще окончательно не проснулась. Я слышу, как изменился ритм ее дыхания, Марина поймала мою руку и уже сама просит, чтобы я поласкал ее там, внизу, между ложбинок. И на этот раз моя рука проникает в таинственную пещеру без труда. Принцесса выпускает меня туда и издает легкий сладкий стон. Моя рука

увлажняется. Я понимаю, что Марина готова принять меня по-настоящему. Отстраняюсь, и принцесса откидывается на спину.

Глаза Марины закрыты. Она заводит руки за голову, а всем телом тянется навстречу. Предлагая его мне. И я не выдерживаю, набрасываюсь на принцессу с неистовством отдохнувшего зверя. Утренний забег всегда мой. Причем этот забег не на марафонскую дистанцию, где надо экономить силы и растягивать удовольствия. Скорее всего, утренний бег похож на спринт. Резкий, взрывной, короткий, как выстрел. Когда нужно успеть выложиться, выплеснуть энергию жизни в максимально короткий срок.

Марина это знает, чувствует и ничего не имеет против. Я отжимаюсь на руках и врываюсь в нее как можно сильнее. Потом подгибаю колени и, схватив ее за бедра, тяну, тяну на себя, будто хочу разорвать пополам. С высоты моего роста я вижу ее мягкое розовое тело и еще больше возбуждаюсь. За короткое время безопасное кольцо одето. Она ворчит: «Не смотри на меня!» – затем, не открывая глаз, хватается меня за плечи и рывком прижимает к себе. Наваливаясь на нее всем телом, так, чтобы между нами не осталось и миллиметра свободного пространства. Она сводит ноги и зажимает мое естество в узкий, горячий туннель. Даже через латекс я чувствую каждую клеточку ее тела, все ее напряженные мышцы и практически мгновенно, через нескольких коротких и глубоких рывков взрываюсь. Взрываюсь в бук-

вальном смысле этого слова, потому что мне сейчас горячо и внизу в паху, и в голове, где бегают красные точки.

Без сил падаю Марине на грудь и замираю, шепча в подушку:

– Извини, что думал, только о себе!

Она целует меня в шею и тоже шепчет:

– Я хотела бы так просыпаться каждое утро!

Молчу, потому что невольно, я понимаю, что это невольно, в порыве страсти Марина наступила на скользкий лед наших отношений. И от этого льда сразу повеяло холодком.

Впрочем, этот холодок нам сейчас нужен. Потому что утро, потому что ровно через пятнадцать минут раздастся телефонный звонок и нетерпеливый начальник Марины будет интересоваться, собирается ли сегодня его бухгалтер на работу. Но это будет через пятнадцать минут, а пока мы лежим как тюлени и не шевелимся. Остываем. Приводим температуру своего тела в рабочую норму. Я сполз на подушку рядом, лежу на животе, Марина достала сигарету и курит. Докурив, наклоняется, целует меня в плечо и бежит в ванную.

У меня есть еще минут десять. Марина всегда долго умывается, приводит себя в порядок. Конечно, можно было бы встать и приготовить для любимой кофе, но наличие на кухне электрического кулера и растворимого кофе сводят этот ритуал благодарности к минимуму. Даже чайника ставить не надо. Поэтому я лежу и тупо смотрю в черный экран теле-

визора.

Странно! Вместо обычной утренней бодрости я ощущаю усталость – и снова хочется спать. Впрочем, так всегда бывает после утреннего секса с принцессой. Марина, как большая планета, забирает себе всю энергию. Всю без остатка. Будто в доказательство этому в комнату возвращается принцесса, смешно качает бедрами и бросается на меня. Она вся будто светиться изнутри. Целует меня и пытается снова завести. Мне уже не хочется ее, но я знаю, что если Марина сделает еще несколько поцелуев, я напрягусь, снова оживу, но после этого буду точно выжатый как лимон. Секса не хочется, ну ни в какую, и я мучительно соображаю, как об этой ей сказать.

Я ведь не умею отказывать женщине. А отказать любимой вообще не мыслимо. От мучительных раздумий спасает телефон. Начальник как всегда точен и сегодня необыкновенно вежлив. Позвонил не ровно в девять, а в три минуты десятого. Марина тут же переключается на разговор с ним, а я встаю и иду наливать кофе. Возвращаюсь с двумя дымящимися чашками ароматного черного кофе. Она сидит на краю постели и курит, прикусывая губу.

– Что-то случилось?

– Да, нет ерунда, – отвечает Марина, гася бычок в пепельнице. – Можно подумать, без меня там никто ничего не может сделать!

Улыбаюсь, потому что если честно, то у меня действительно сложилось такое впечатление, что у нее на работе все важ-

ные решения, да и не важные тоже, без совета с Мариной не принимаются.

Пьем кофе вперемишку с новостями. По всем каналам снова показывают наш город. Диктор сообщает о высоких гостях, которые уже успели посетить салон, об открытии авиасалона президентом, о многомиллиардных контрактах, которые собираются заключить во время проведения авиасалона. Об этом говорят на центральных каналах. На каналах попроще говорят о том же, но в качестве полноты картины показывают сюжеты с многокилометровыми автомобильными пробками на подступах к городу. О том, что кто-то ехал на МАКС весь день, не успел и для того, чтобы попасть на салон, заночевал в палатке прямо перед центральным входом ЛИИ.

Переглядываемся. Нам до этого центрального хода пять минут ходу, а мы ничего такого не видели. Вот уж действительно дожили. Не видим ничего дальше собственного носа.

«Ладно, пошли быстрее, а то все на свете пропустим». Марина начинает торопиться, но я знаю, что все равно она будет еще минут десять прихорашиваться в прихожей, потом собирать в пакет какие-то важные бумажки из числа тех, которые нужно срочно отнести в налоговую, банк или соцзащиту. И все это время принцесса будет приговаривать: «Сейчас-сейчас идем, я быстро!» И все это время я буду стоять в коридоре, прислонившись к косяку, и молча улыбаться. Хотя внутри меня уже будет все клокотать от нетерпения: «Ну

почему она так медленно собирается. Давай быстрее!»

Впрочем, наверное, напрасно. Мне-то ничего особенно не надо брать. Футболка, джинсы, мокасины на босу ногу, куртка. Мобильник в один карман да бумажник со ста рублями в другой – вот и весь мой скарб.

Наконец выходим и мелкими перебежками движемся на работу. По пути болтаем о всякой ерунде, и практически перед самым поцелуем на дорожку Марина сообщает мне, что будет сегодня вечером занята и не сможет меня увидеть. Неожиданно для себя чувствую легкий укол ревности, но стараюсь не показать вида и нахожу в себе силы не спросить: «А чем ты будешь занята?»

«Хорошо, тогда позвонишь мне, как освободишься!» Быстро чмокаемся и разбегаемся. Марина идет к пешеходному переходу, и я невольно засматриваюсь на ее летящую походку, стоя на подножке автобуса, который снова отвезет меня в королевство железных птиц.

Глоток воздуха

В прошлом году мы ездили на Красное море и целыми днями занимался дайвингом. Ну не только им, конечно. Вообще-то, мы собирались провести две недели, занимаясь только друг другом. Но дайвинг, вернее банальное ныряние с трубкой и маской в прибрежной зоне, как оказалось, притягивал гораздо больше. Мы еще потом долго рассуждали, почему так получилось...

Знаете, это было похоже на легкое помешательство. Каждое утро мы, как подорванные, поднимались и неслись к берегу. Надевали ласты и маску и отплывали от берега метров на двадцать-тридцать. Чем дальше мы отплывали от берега, тем тише становились звуки земли и тем призывнее звучало море.

Как только вода смыкалась надо мной, мир сразу изменялся до неузнаваемости. Окружающие звуки выключались, и оставалось только два органа восприятия – глаза и тело. Глаза не переставали удивляться разнообразию красок окружающей живности. Казалось, что можно смотреть на эту неземную красоту вечно. Причем не только смотришь на все это. А ощущаешь себя частью всего этого. Тело ощущает это. Но воздух в легких очень быстро заканчивается, и хочешь не хочешь, но приходится снова выныривать, чтобы отдышаться.

И чем дольше находишься под водой, тем дольше нужно

времени, чтобы прийти в себя.

Один раз я поплыл за очень красивой рыбкой и опустил-ся так глубоко, что в ушах стало ломить от давления. Я, как меня учили, продулся, зажал пальцами нос, выдохнул через уши и поплыл дальше. Вернее, глубже. С каждым моим гребком, я как будто перемещался на новый уровень. Море менялось на глазах, разноцветных рыбок становилось меньше, а цвет воды темнел. Сначала он был голубой, потом синий, а впереди маячил черный цвет. Вот где-то на границе голубого и синего воздух в моих легких закончился. И в этот момент я услышал голос. Красивый, божественный. Он звал меня за собой дальше туда к черному цвету и обещал неземную негу, блаженство и покой.

Я слышал, что на большой глубине происходят подобные галлюцинации, но никогда не думал, что со мной может произойти такое. Да и что у меня была за глубина? Так метров десять-пятнадцать не больше. Голос звал вниз, а сознание вверх. И сознание, слава богу, победило. Я выскочил на поверхность как пробка и чуть ли не по пояс высунулся из воды.

Я глотал воздух полным ртом и искренне наслаждался пляжными звуками, которые ударили по моим ушным перепонкам вместе с первой порции воздуха. С трудом, буквально на четвереньках, я выбрался на берег. И как только не поранился о кораллы!

Ноги не держали мое тело и дрожали от перенапряжения.

Я сел на песок и долго-долго смотрел по сторонам, собираясь с силами. Мне доставляло удовольствие смотреть на всех этих незнакомых людей, которые меня окружали. Наблюдать за их жизнью, не вмешиваясь в нее. Просто смотреть, и, может быть, даже не за ними, не на них, а, к примеру, на небо. В Египте оно голубое-голубое. Без единого облачка. И где-то там, на горизонте, сливается с водой.

Каждая моя встреча с Мариной похожа на то самое глубокое погружение. Стоит мне нырнуть в нее, как в море, я вокруг себя ничего не вижу и не слышу. Я люблю ее вниманием, ее телом, как теми красивыми рыбками. Общаюсь с ней, я чувствую себя частью ее, и мне абсолютно ничего не надо, но в какой-то момент воздух заканчивается и чтобы жить, нужен глоток свежего воздуха.

Мне нужно увидеть небо.

Сразу, как только Марина скрывается за поворотом, а я ступаю на порог автобуса, в мое сознание врываются звуки окружающего мира точь-в-точь, как в тот день, когда я слишком глубоко занырнул. Мои барабанные перепонки с трудом выдерживают этот напор, мне приходится даже глотнуть слюну, чтобы продуть клапаны и, вот, черт, побери, я снова слышу внутри себя: «Допельдон!» Вот, блин, что же это за слово? Что оно означает? Может быть, глоток свободы или свежего воздуха?

Автобус качнулся и тронулся. Сразу, как только закрылись двери, в салоне стало нестерпимо жарко. Не спасали да-

же открытые нараспашку окна. Прохлада врывается в салон только во время движения. Но двигались мы не постоянно, а короткими и неравномерными рывками. Создавалось впечатление, что водитель автобуса задался целью взболтать наши желудки и превратить их содержимое в коктейль.

На самом деле сегодня суббота. Самый многолюдный день авиасалона. И все дороги к авиасалону забиты машинами. И это в черте города, куда в дни МАКСа вообще-то разрешен проезд только жителям города и машинам со спецпропусками. Что же тогда творится за пределами города?

По салону носятся рассказы о взятых штурмом электричках и брошенных аж за сто километров от города на обочине машинах. Вижу, как какой-то даме становится плохо. Ей тут же уступают место. Возле нее начинает суетиться мужчина, у которого на голову надета смешная картонная бейсболка с логотипами МАКСа. Он, балансируя на полусогнутых ногах, пытается достать из заплечной сумки какие-то таблетки. Пот течет по его лицу. Одна капля, скользнув с кончика носа, падает на лицо дамы. Теперь капля ползет по ее лицу, смывая слой тонального крема. Она не замечает этого, продолжает обмахивать себя программой полетов авиасалона, которую кто-то сунул ей в руку. На громадной груди женщины прилеплен смешной головастик с пропеллером, который колыхается в такт ее движениям.

Ей предлагают выйти, глотнуть свежего воздуха с запахом соснового бора. Мы как раз медленным черепашиным шагом

проезжаем через него, но она упорно держится за спинку сидения и говорит, что все нормально и сейчас все пройдет.

Наконец, автобус проезжает центральные ворота. Я еле-еле успеваю осмотреть окрестности, естественно, никакой палатки поблизости не вижу. Решаю, что бедалага из новостного блока уже там. На летном поле. Что называется, сбылась мечта идиота!

За воротами взгляд в очередной раз цепляется за угрожающие формы птеродактиля, штурмовика «Ил-102», последнего и единственного из славного рода ильюшинских боевых машин. Его как раз накануне салона выкатили из ангара на белый свет и поставили у входа в институт на потеху публики, рядом с такими же раритетными рептилиями, как Як-38, Миг-23 и Су-19.

Не успеваю подумать об их незавидной, увы, участи, так как наш автобус набирает крейсерскую скорость и в салон, наконец, врывается свежий воздух. Женщина широко открывает рот и ловит воздух точь-в-точь, как я ловил жизнь в тот день, выскользнув из объятия моря. Допельдон! Я ловил жизнь или глоток воздуха? Блин! А ведь «море» и «Марина» почти однокоренные...

Наконец, легкие дамы наполняются кислородом, и она на глазах оживает. Щеки ее розовеют. Женщина достает платок, вытирает с лица каплю пота и неожиданно обнаруживает в своих руках программу полетов. Удивленно смотрит на нее, потом смотрит вокруг. Никто не проявляет к ней уже

никакого интереса. Все во все глаза смотрят по сторонам. Ведь мы только что выехали на самое большое в Европе летное поле, которое все, в буквальном смысле все от горизонта до горизонта, заставлено летательными аппаратами. И над всем этим полем огромное, бескрайнее небо. Прямо надо головой медленно плывет дирижабль, а чуть впереди порхают воздушные шары, на ветру колышутся воздушные змеи и флаги всех стран мира. Красота. Мир железных птиц!

Автобус, скрипнув тормозами и присев на передние колеса, останавливается, пропуская перед собой двухвинтовой грузовой самолет фирмы «Ан». Он, натужно гудя двигателями, как какой-то розовый слон, величественно проплывает мимо наших окон. Ему нет до нас никакого дела. Ему скоро туда. В небо к своим собратьям. А вот автобус реально наклоняется на один бок, потому что все, кто есть в салоне, прилипают к окнам с той стороны, через которые видно удаляющегося красавца «Антонова».

Наконец нас довозят до проходных авиасалона, и наши пути, мои и остальных пассажиров автобуса, снова расходятся. Им прямо, в бесконечные реки-очереди, а мне направо, через автостоянку, ко второй проходной. С удовольствием отмечаю, что сегодня не только я такой умный. И впереди меня и за мной тянется тоненький людской ручеек, такая муравьиная дорожка.

Пока иду, есть время снова поразмышлять на тему, а что же такого хотят увидеть все эти люди, согласно проданным

билетам, более миллиона человек, на летном поле? Почему-то всегда на этом отрезке пути очень хорошо думается об этом. Зачем они всеми правдами и не правдами стремятся попасть туда? Почему они готовы терпеть унижительные обыски, многокилометровые очереди, жару и пыль, платить бешеные деньги за билеты, за то, чтобы попасть на летное поле, которое заставлено кусками холодного металла?

В прошлый раз я попытался определить их как какая-то каста, даже хотел подарить этой касте свое новое слово, но потом отказался от этой идее, потому что до меня только сейчас дошло, что, скорее всего, эти люди не каста, а особый человеческий вид или, если хотите, раса, которым есть более точное название, чем мое новое слово.

Все они не «гомо сапиес», а «гомо флайенс», а если быть совсем точным, то «гомо сапиес флайенс», то есть «человеки разумные и летающие». Самый верный признак отличить этот подвид от обычного человека, спросить у него: «А сколько времени ты сможешь смотреть в небо?» Только у «гомо сапиес флайенса» глаза устроены таким образом, что он может бесконечно смотреть на небо, наблюдая за полетом облаков, птиц или крылатых машин.

Этот признак самый важный. Потому что есть «гомо сапиес флайенсы», которые могут смотреть на небо часами, причем стоя, высоко задрав голову и прикрыв глаза от солнечного света ладонью. А есть «гомо сапиес флайенсы», которые лишены таких мощных шейных мышц, но потребность

смотреть в небо у них не меньшая. Если не большая. Таких сразу можно отличить по коврику под мышкой или в рюкзаке, а еще по бомжеватому и отрешенному виду. Они смотрят на небо, лежа на травке. Вот эти «гомо сапиес флайнсы» могут наблюдать за небом даже не часами, а сутками напролет. Говорят, что именно один из них и был первым конструктором летательного аппарата, а тот, кто в него сел был из тех, кто смотрит на небо стоя.

Интересно, а к какому виду я отнес бы себя? Смотреть в небо, я, конечно, умею и с недавнего времени даже начал любить, но...

Мои глаза неожиданно вместо бескрайнего неба встречают препятствие в виде спины впереди идущего человека. На рубашке с короткими рукавами здоровенное потное пятно. Чего стоим, кого ждем? Оказалось, что муравьиный ручеек как-то так незаметно превратился в очередь. Не такую гигантскую, как на первой проходной, но все же весьма ощутимую. Минут двадцать простоять придется. Звоню Гарику, сообщаю, что попал в пробку. Он говорит, что ничего страшного. У него процесс уже начался. То есть баннер он уже развернул и собирается даже в скором времени телепартировать его на центральную аллею, где, как известно, и народу побольше, и улов покрупнее. Ничего не имею против. Деньги еще никому не мешали. Договариваемся, что при помощи добровольных помощников, он сам перебазировается туда, а я, как только, проскочу пробку, приду и сменю его.

Отключаюсь, снова возвращаюсь к размышлениям, кто я есть на самом деле. Очень хочется причислить себя к этим «гомо сапиес флайнсам», но вот что-то баллов не добираю. Ни до «сапиенс», ни до «флайнсов». «Гомо» еще куда ни шло, с большой натяжкой. Все-таки хожу не на четвереньках. А остальное? Очередь движется медленно, поэтому я успеваю до ее окончания домыслить до конца.

Если судить по поговорке «если ты такой умный, то чего такой бедный», то явно не «Сапиенс». А если судить по, двум высшим образованиям, то может быть. Ладно. Уговорил себя. Я – «сапиенс». Теперь самое сложное «флайнс». Вспоминаю, что всю свое детство я любил смотреть себе под ноги и шагать так, чтобы не наступить на трещинки в асфальте. Явно не «флайнс». А зачем тогда я замутил этот проект с созданием «музея истории покорения неба» и вот уже второй год его, не смотря ни на какие трудности и лишения, реализовываю?

Приходится убедить себя, перешагивая через манию величия, что есть еще третий подвид «гомо сапиенс флайнсов». Они тоже любят, ну, может, не любят, а испытывают потребность смотреть на небо, но не глазами, а внутренним зрением. Они общаются с небом на другом уровне. У меня на макушке растет здоровенная родинка, и я всегда иногда в шутку, а иногда всерьез, называю ее своей антенкой для связи с космосом.

И вот, пожалуй, благодаря ей, я, наверное, и могу се-

бя причислить к этой не самой многочисленной когорте «флайенсов». С большой натяжкой, конечно, как и ко всему остальному. О господи, слышал бы кто сейчас мои рассуждения! Мгновенно определили бы в дурдом. Та-да-да-да! Звучит в моей голове «допельдон» голосом медной трубы!

И под этот трубный глас я без задержек прохожу через металлоискатель. Он даже не пикнул.

Фемина флайенсы

Но все же, какое хорошее слово завелось в моей голове! Стимулирует мыслительный процесс, не дает расслабиться и информирует меня об его окончании. Успешном, между прочим! Нет, это надо! Только что, практически мимоходом, я открыл, что нашу землю населяет совершенно новые существа. Уже не люди, но еще не птицы. Ангелы? А что? «Гомо сапиес флайенс» – это по-латыни, а по-русски – ангелы.

Ну это я, пожалуй, слишком махнул. Аж в затылке зачесалось. Хотя... надо подумать об этом на досуге. И тут я снова слышу в своей башке слово «допельдон» и мгновенно понимаю, чем отличается «гомо сапиес флайенс» от «ангелов».

Потому что один из тех самых ангелов, только что, прямо на моих глазах, аккуратненько так придерживая голубую пилоточку, чтобы ее не сдул ветер, и коротенькую юбочку такого же небесного цвета, взошел по приставной лестнице на крыло боевого истребителя Су-27, стоящего на стоянке прямо возле второй проходной, и послал мне воздушный поцелуй.

Открыв от удивления рот, я остановился. К счастью, я был не одинок в своем порыве, иначе бы создался затор. Оказалось, что воздушный поцелуй на свой адрес приняла еще добрая сотня мужчин в радиусе ста метров вокруг меня. Хотя если подумать, что тут такого необычного! Красивая рус-

ская девушка посылает воздушный поцелуй всем мужчинам, стоя на крыле самого мощного в мире боевого истребителя.

Да, такое можно каждый...! Н-да. Пожалуй, нет, такое не каждый день увидишь. Это действительно красиво.

Попозировав для камер, девушка прошлась по крылу самолета, как по подиуму, а потом под дружные аплодисменты зрителей, также грациозно спустилась на землю. Уступая место другому ангелу.

Другой ангел бы одет в обтягивающие стройные ноги черные джинсы и белую майку с непонятным логотипом. Этот ангел решил использовать крыло истребителя как танцпол. И это тоже было красиво!

В тот момент не менее десятка теле- и видеокамер зафиксировали его отрыв от поверхности металла.

Так вот, оказывается, в чем дело-то. Ангелы – это «гомо флайнсы» – «люди летающие». Без всякого разумного объяснения. Они летают низко-низко, касаясь земли только формально. И больше всего среди них «фемина флайнс», то есть «женщин летающих». И летают они, как правило, на тонких-тонких каблуках. Поддерживают их в этом полете восторженные мужские взгляды. Не важно кто? «Гомо», «гомо сапиенсы» или «гомо сапиес флайнсы». Главное, чтобы они были! Эти восторженные взгляды. Чем больше их, тем быстрее обыкновенная девушка может превратиться в «фемина флайнс» и оторваться от земли. Иногда на пять, иногда на десять, а бывает и на пятнадцать сантиметров. Тут все

от высоты каблука зависит.

Не успел подумать об этом – и сам будто на миллиметр от земли оторвался. Вот что значит, подвести под свои действия хорошую теоретическую основу. Ведь что получается! Помогая «фемина флайнсам» отрываться от земли, мы тем самым помогаем нашей планете с нужной ей скоростью вращаться вокруг своей оси, совершать круговорот в природе.

И ни одна, ни одна женщина, я имею в виду обычная женщина, пусть даже и очень любимая, не может воспрепятствовать нашему благородному делу. Тут же я вспоминаю последнюю причину нашего скандала с моей принцессой. Эх, какую она мне истерику закатила в тот раз на перекрестке, когда я минут пять не мог перейти дорогу, потому что постоянно крутил головой, провожая взглядами студенток, проходящих мимо.

«Почему ты на них смотришь? Когда ты идешь рядом со мной, ты должен смотреть только на меня. И только на меня!»

Эх, как бы я ей тогда ответил, если бы знал об «фемина флайнсах». А так пришлось согласиться, что «да» – кобель! Но это ведь не так!!!

Ведь сегодня, на автобусной остановке, я не удержался и поддержал ее летящую походку своим взглядом, и таксисты, которые курили, примостившись на капотах своих машин, тоже поддержали этот полет взглядом. И кажется даже свистом. И Марина не пошла, а полетела!

А что было бы, если бы мы все отвернулись? Страшно подумать. Земля бы точно остановилась, ну, или, как минимум, затормозила бы свой бег. Реки потекли бы вспять, и времена года поменялись бы местами. Ужас!

Рассуждая таким образом и находясь в постоянном напряжении, приходилось поддерживать всех пролетающих мимо «фемина флайенс», а их сегодня на летном поле было невероятно много, я, наконец-то, добрался до центральной аллеи авиасалона и неожиданно для себя обнаружил, что в самом центре разгула уличной торговли в рамках международного авиасалона мы не присутствуем.

И что особенно интересно, все мои попытки дозвониться до Игоря оказались безрезультатными в силу постоянной занятости его телефона.

Допельдон, промелькнувший в этот момент в моей голове, явно имеет уже не такие радужные оттенки. «Какого хрена! Сейчас самое время рубить капусту! А они там...» Хотя кто они? Чего я завожусь? Надо сначала разобраться, что случилось, а потом уж можно и поругаться...

Ошибка президента

Возле нашего павильона Игорь свет Владимирович, мой друг и приятель, будущий отец прекрасной дочки, носился в полном ауте, если не сказать хуже – «в мыле», с трубкой возле уха и, срываясь на сип, пытался кому-то что-то доказать. Увидев меня, он только смог махнуть рукой. Мол, потом, все потом!

«Н-да! – думаю, – дела». И нашего баннера замечательного с «Воздушным приветом из Жуковского», что-то не видно? Ясен пень, попали! Где? Когда? И самое главное, на сколько? Стою возле него, переминаюсь с ноги на ноги, как будто в туалет хочется, прислушиваюсь. Ну да, все понятно. Надо заплатить авиасалону шесть тысяч за день – и тогда все будет нормально. Двести баксов. Хм. Не хило. Откуда? Даже при самых крутых раскладах доход от нашей картинки не больше 5000 «деревянных». Несложный подсчет говорит, что нам легче забыть об этом деле.

И что самое интересное, тут же ловлю себя на мысли, что слово «забыть» в данном конкретном случае мне очень и очень нравится. Ненормальный такой пофигизм и умиротворение внутри меня образовалось. Типа, а ну и фиг с ним, с этим баннером. «Нет, денег и не надо!», «Не хлебом единым живет человек!» и прочая успокаивающая хрень так и крутятся в моей голове, как назойливые мухи. Интересно, с чем

это связано? Может с сексом? У мужчин ведь всегда наступает период умственной пассивности после этого дела. Наверняка, так оно и есть. Ведь секса у меня было много, и секс был фантастический. Зачем мне теперь деньги?

А вот по Гарику этого не скажешь. Ну насчет, секса. Нервный он какой-то. Весь как на шарнирах. И, явно, злой. Надо будет поинтересоваться у него на эту тему, как он закончит общаться по телефону. Хотя странно, говорят, что у беременных в это время всегда есть охота до этого дела. Наконец, Гарик закончил свою болтологию. Отдышался.

– Ну, – говорит, – у меня для тебя две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

– Насчет плохой, я уже понял. Детали потом расскажешь. Давай, хорошую.

С хорошей, так с хорошей! Гарик не стал возражать и рассказал мне о том, что с утра звонила Людмила Андреевна, председатель комиссии, и сообщила, что не будет ничего иметь против, если мы в понедельник вместо документов фирмы «Копрес», у которой, как известно, все начальство: и бухгалтер, и генеральный директор в отпуске, принесем документы любой другой фирмы. Главное, чтобы они были в полном порядке.

Вау! Вот это новость. Практически «допельдон». Хотя нет, почему практически?! Это и есть он самый, «допельдон». Подарок судьбы. Решение всех проблем.

Если бы в этот момент меня снимала камера, то однознач-

но зафиксировала бы мой отрыв от земли. «Так это без проблем, – кричу я, – сейчас сделаю!»

И тут же, забыв о данном себе обещании, что не буду звонить принцессе до тех пор, пока она сама не позвонит, начинаю набирать ее номер. Занято. Набираю еще, сбрасывает номер. Хм, не понятно. Раньше она всегда находила возможность хотя бы просто сказать, что не может говорить. А тут просто сбрасывает звонок. Сказать, что я в этот момент ничего не испытал было бы неправдой. В одно мгновение через меня пронеслась как табун лошадей масса негативных эмоций. И самым болезненным из них был маленький булавоочный укол в сердце. «Не может быть! Я ревную!»

Мое хорошее настроение спустилось как воздушный шарик, а вместе с ним меня так же потянуло к земле. Захотелось завалиться где-нибудь в дальнем углу аэродрома на травку и, задрав голову в небо, курить бамбук.

– Не отвечает, – говорю Гарику, – видимо, занята. Ладно, с ней я попозже эту тему утрясу. Давай рассказывай, что же произошло?

Как оказалось, Игорь благополучно перетащил баннер на центральную аллею и даже успел заработать пару сотен рублей. И в этот момент по аллее с ревизией промчался разгневанный директор авиасалона. Недовольство его было вызвано тем, что в субботу в ожидании хороших доходов на центральную аллею попытались выбраться все мелкие корабейники, образовав маленький и весьма непривлекательный с

точки зрения внешнего вида шанхайчик.

Директору кто-то видать сверху, стуканул на эту тему. И ему ничего оставалось делать, как организовать карательный набег. Положение усугублялось еще и тем, что директора, скорее всего, вырвали прямо из-за праздничного стола, за которым отмечал свой день рождения. Представляю, в какой директор был ярости! Вместо того, чтобы сидеть где-то в холодке и выпивать вместе с дорогими гостями за свое здоровье ледяную водочку с икоркой, ему надо было выступать в роли цербера. Я бы точно расстроился.

Под горячую руку, как говорится, попали все. Причем Игорю еще повезло, он вовремя заметил какое-то движение в начале аллеи и успел свернуться. А когда опасность миновала, он решил не рисковать и убрал баннер подальше. Потом дозвонился коммерческому директору авиасалона и попытался пробить его на тему об официальном разрешении на торговлю. Вот за этим занятием я его и застал.

– Стоп, – остановил я обстоятельный рассказ своего приятеля, – так баннер у нас.

– У нас, конечно! – отвечает, – неужели ты думаешь, я его кому-то отдам. У меня такое предложение, давай сегодня не будем ничего делать, хотя бы до обеда. А потом потихоньку выставимся. Всех денег нам ведь все равно не заработать?

Как говорится, нет ничего лучше, когда наши желания совпадают с нашими возможностями.

Переместиться на полянку, поближе к взлетно-посадоч-

ной полосы было делом одной минуты. Ну, десяти! Пока место выбрали почище, пока газетку разложили. Не на земле же сырой лежат. Пока отдышались, пока позы приняли удобные к философской беседе располагающие! В общем, на все про все минут десять и ушло. Как раз в этот момент чувствую, у меня в заднем кармане кто-то зашевелился. Да не кто-то, а телефон мобильный. Марина звонит!

– Алло! Что хотел?! Я не могла ответить. Занята была!

Тюк. Еще один булабочный укольчик в сердце! «Кем занята? Что делала?» На языке так и вертятся эти вопросы, но вместо них рассказываю о возможности замены документов.

– Все! Не вопрос! Сделаем документы! Ну ладно, позже обсудим. Я побежала. Мне некогда.

И отключилась.

– Пока, – сказал я уже «мертвому» телефону и захлопнул раскладушку.

Смотрю на телефон и ловлю себя на том, что всего несколько секунд назад я снова будто услышал зов моря. Ну да, и в руке у меня не допотопный телефон фирмы LG, а перламутровая ракушка, у которой закрылись створки. Прямо перед глазами у меня голубая вода, в которой отражаются бегущие куда-то облака. И мне нестерпимо хочется туда! Куда-то туда! Это не море – это небо. А море было в ракушке! Так куда же я сейчас хочу? В море и в небо?

От мучительных раздумий меня освобождает голос Гари-ка.

– Нет, наш президент все же будет круглым дураком, если не обратит внимания на авиацию! И если не предпримет все возможное для ее возрождения!

Поворачиваюсь на бок, подкладываю под голову ладонь и спрашиваю:

– Почему ты так решил? Да и что он может сделать?

Про себя же решаю, нет с сексом у него явно все в порядке. Потому что только удовлетворенный мужчина может, находясь в здравом уме и рассудке, выбрать в качестве темы для философской беседы политику. Причем не просто политику, а обсуждать действия нашего дорого и уважаемого президента.

Ну что же, как не поддержать интересный разговор!

– А ему, собственно, и делать-то ничего не надо, – отвечает Игорь. – Надо просто взять и в качестве приоритетной задачи развития страны поставить развитие авиации.

– Не понял, объясни?

Игорь обводит рукой вокруг себя.

– А ты посмотри, сколько сейчас народу здесь сидит!

– Ну, если взять всех вместе, то около двухсот пятидесяти тысяч, наверное, будет!

– Вот! А ты видел у кого-нибудь из них несчастливое лицо?

Попытался вспомнить и был вынужден признать, что нет, не видел.

– И что это значит? – спрашиваю.

– А то, – отвечает Игорь, директор нашего музея истории покорения неба, – что все эти люди приехали сюда, в наш город, чтобы снова хоть чуть-чуть, хоть краешком глаза прикоснуться и стать сопричастным к главной мечте человечества, к мечте о самостоятельных полетах в небе. Глядя на небо, глядя на парящие в облаках самолеты, люди становятся счастливыми. Как в детстве! Они улыбаются, они радуются. А разве не это главная задача президента? Видеть своих сограждан счастливыми? Вот вспомни, при Сталине был лозунг «Все на самолеты!» И все в нашей стране мечтали стать летчиками, инженерами, авиаконструкторам. Да, не все ими становились. Но мечта оставалась и была у всех. И все знали, что они живут в самой замечательной стране в мире. И мы гордились своей страной. Потому что мы были лучшими. А сейчас что?

Игорь с досадой махнул рукой и засунул себе в рот травинку. Вот так живешь, живешь рядом с человеком, работаешь плечом к плечу, трудности преодолеваешь, и вдруг оказывается, что живешь рядом с великим философом, который знает формулу абсолютного счастья. Но вместо того, чтобы сказать ему об этом, я задаю совершенно идиотский, с точки зрения данной ситуации, вопрос.

– Скажи, Гарик, а ты сексом сегодня занимался?

Друг сначала поворачивает ко мне голову, багровеет, потом краснеет и, наконец, выдавливает из себя:

– А это ты к чему?

– Да, так, – возвращаюсь в лежачее положение. – У меня сегодня был суперфантастический секс! Причем не один раз.
– Дурак!

Игорь явно обиделся.

– Я тебе о высоком говорю, а ты!

Игорь окончил Московский авиационный институт и болезненно воспринимает все, что связано с авиацией. Вернее, с бедственным ее положением в России. Хотя Игорь может считать себя самым счастливым человеком в мире, потому что, несмотря ни на что, его деятельность пусть не напрямую, но связана с авиацией. Но из его курса он такой один.

Остальные работают менеджерами, торгуют на рынке, один таксистом калымит.

– Да нет, ты не понял, – перебиваю я Игоря, – просто сегодня, идя сюда, мне в голову пришла практически такая же мысль, что и тебе.

И я рассказываю ему сначала теорию о «гомо сапиес флайнсах», а потом в качестве заключения теорию об умиротворенном влиянии секса на мозги мужчины.

– Вот меня и интересует. У тебя было сегодня! Или не было!

– А-а-а, ты вот в каком плане? – тянет Игорь. – Тогда понятно, – смеется. – Было.

Разговоры о счастье

– Ну, вот, я так и думал. Было!

И снова в этот момент в моей голове проскочил «допель-дон». Как будто я только что открыл первый закон мироздания. Впрочем, может, так оно и есть. Видимо, на моем лице в этот момент была такая благодатная улыбка, что Игорь не выдержал.

– Ну, что ты улыбишься, как майская роза!

– А что, мне не улыбаться. Ведь у нас все хорошо.

– Все, да не все, – отвечает Гарик.

– Ты имеешь в виду облом с баннером? Так это мелочи. Наверстаем.

– Да, нет, – Гарик задумался на какое-то время и произнес. – Устаю я что-то в последнее время сильно.

– В смысле?

– Да жена замучила. Беременной ведь отказывать нельзя. А она все хочет и хочет, хочет и хочет. А я ведь не железный!

Тут уж я не заулыбался, а заржал. Причем так громко, что соседняя кампания с неудовольствием оглядела наши недвижимые тела. Действительно, с их точки зрения так громко ржать поводов не было. За последнее несколько минут небо очистилось и стало голубым, как слеза младенца, но до сих пор туда не поднялся ни один самолет. Хотя пора бы уже!

– Ну, брат, – говорю, – нам мужикам не угодишь. Не дают

– плохо, дают – еще хуже.

Он, было, насупился, но я его остановил.

– Да, ладно не переживай. У меня такая же фигня! Пока шел сюда, только и думал, как бы свалить и отоспаться.

По своей натуре Гарик тугодум, но тут и его на хи-хи быстро пробрало.

– Вот, блин, мы даем, – смеется. – Думал, ли кто из нас, учась на первом курсе института, что мы от секса устанем? Да скажи нам кто такое, быстро бы был заплеван жеваной морковкой.

Мы с Игорем учились в разных институтах. Он, как я уже говорил в МАИ, а я на журфаке МГУ. Не знаю, как обстояло дело у них. Но за себя я могу точно ответить, что самым большим удовольствием при посещении «альма-матер» было поторчать минут десять или даже пятнадцать возле входа, типа жду кого, а на самом деле попровождать взглядом особ противоположного пола, которые, как известно, отличались на журфаке особой статью и породистостью.

Даже больше скажу. На третьем курсе МГУ я совершил финт ушами и поступил на сценарный факультет ВГИКа, но проучиться на нем я смог только один год. Бросил. Причин было много. Надо было работать, деньги для семьи зарабатывать, экзамены совпали в МГУ и ВГИКе, не смог разорваться. Но одной из главных причин, по которой я бросил этот с трудом завоеванный институт, это я могу сказать со стопудовой гарантией, было то, что на моем курсе не было ни од-

ной толковой телки, ради которой было бы желание перетечь через весь ВДНХ, а потом еще на двух троллейбусах до улицы Вильгельма Пика. Не было во ВГИКе на тот момент ни одной «фемины флайенс», и поддерживать в их вечном полете над землей там никого не надо было.

– Так что же это получается, – выслушав мой монолог, изрек Игорь, – все в этом мире вертится вокруг них. Вокруг этих самых «фемина флаейнс».

Игорь с трудом выговорил это выражение и даже сделал жест, похожий на перекрещивание губ. «Прости, господи!»

«Допельдон!» – ни с того ни с сего мелькнуло у меня в голове.

– Да, при чем здесь они. Во все свои ВУЗы я поступал в поисках своего места в жизни, и при этом я подспудно надеялся, что встречу там ту единственную, которая меня поймет, оценит и пойдет рядом, ни смотря не на что. Что найду свою музу!

– Угу, – Игорь отвернулся от меня и посмотрел в сторону начала взлетной полосы. – Нашел?

– Пока нет, – честно признался я – и подумал о Марине. «А может быть, и да!» Но вслух не стал этого произносить, чтобы не портить имидж бабника. Вслух я сказал, что муз-то у меня было много, а вот ту, единственную, я только что, кажется...

Что там у меня с единственной Игорь явно до конца не расслышал, потому что мой голос заглушил раздавшийся

над аэродромом рев реактивных турбин. Практически одновременно с ними заговорили динамики, установленные возле комментаторской кабины.

– Ну, вот уважаемые зрители, наконец-то мы увидим полет знаменитой французской группы «Френчи Три колоре»!

В динамике раздалась французская речь, а затем голос переводчика.

– Командир французской эскадрильи просит извинить его за небольшую задержку на старте, которая произошла по вполне объективным причинам, но он обещает, что полет его пилотов сейчас состоится и все, наконец, смогут насладиться фантастическим, феерическим, воздушным шоу.

– По объективным причинам, – ворчит Игорь, – доверили, небось, какую-то часть работы нашим авиатехникам, а те и напортачили. У нас все не, слава богу!

«Допельдон!» – снова мелькнуло в моей голове, а вслух я прокричал, потому что говорить было уже не возможно, все звуки перекрывали рев двигателей и музыка, льющаяся из колонок.

– Как-то нелогично, – ору. – Получается, то ты хочешь, чтобы президент все бросил и сосредоточился на авиации, а то уверяешь, что в авиации так плохо, что им ничего доверить нельзя. Так зачем же президент будет время на раздолбаев тратить?

Рев двигателей достиг критической массы, и потом на какое-то мгновение стих, потом снова начал нарастать, надви-

гаясь на нас всей нашей мощью. Вместе с этим ревом мимо нас по бетонной полосе пробежало восемь серебристо-голубых птиц. Публика, проводив их взглядом, охнула, зафиксировав одновременный отрыв стаи от земли, и, будто поддерживая ее взглядами, проводила до того места на небе, где птицы превратились в точки, а затем совсем исчезли. Одновременно на взлетном поле наступила относительная тишина. Даже как-то взгрустнулось.

– Ты не понимаешь, – вставил в эту тишину свое слово Игорь. У него явно заложило уши, потому что эту фразу он проорал. Потом извинился, и, снизив свой голос на несколько децибел, повторил. – Ты не понимаешь! Сейчас эти техники кто? Самые обиженные люди на земле, вот они и работаю спустя рукава.

– А раньше?

– А раньше они работали за мечту.

– Ну, на одной мечте долго не проживешь.

– Не проживешь. Но при Сталине в авиации всегда были очень высокие зарплаты. Он на это не скупился. И в героях у нас ходили не какие-то певцы и музыканты, а знаменитые летчики и космонавты. Вот скажи, кто может сравниться по своей известности с Чкаловым, например, или Гагариным? – и, не давая, мне ответить, потому что в небе снова появились стальные птицы, и они стремительно приближались. – Можешь не напрягать мозги. Никто!

«Внимание, роспуск!» – прокричал голос из коммента-

торской кабины, и прямо над нашими головами самолеты, идущие ровным ромбом, вдруг распались на восемь самостоятельных стрел, который снова стремительно умчались за горизонт, оставив вместо себя лишь восемь дымных разноцветных дорожек. Снова наступила небольшое затишье, во время которого мы успели перекинуться еще парой фраз.

– Согласен никто!

– Вот! И все мальчишки мечтали стать такими же, как Чкалов и Гагарин! А сейчас как Филипп Киркоров и Маша Малиновская! Чувствуешь разницу!

«Причем здесь Малиновская!» – только и успел подумать я, потому что на нас снова набежала волна живого реактивного звука. На этот раз легкие французские истребители, промчавшись перед нами на предельно малой высоте, были похожи на резвящихся в море дельфинов. Самолеты менялись местами, строили различные геометрические фигуры, а один из них, летящий в середине, будто издеваясь над общим строем, крутился вокруг своей оси, поблескивая белым пузом.

– Что они делают, что делают?! – разрывался динамик. – Нет, вы видели, крутить бочки на такой высоте могут только настоящие асы!

И чуть понизив звук, явно понимая, на что намекает, динамик как будто поддержал Игоря в его речи:

– У нас, пожалуй, на такое в свое время мог решиться только легендарный Валерий Чкалов!

Игорь гордо посмотрел на меня, мол, слышал, что говорит.

– Какие герои, такая и страна! Еще немного и мы все будем плясать и петь вокруг елки, как туземцы, или думать только об одном...

– О чем?

– О сексе. Вот как ты сейчас только об этом и думаешь.

Я открыл рот, чтобы что-то ответить, но не успел, потому что французские пилоты предприняли заход для выполнения финальной части своей программы.

В динамике снова раздался французский говор, а потом голос переводчика:

– Господин капитэн приветствует всех русских красавиц и от всей души дарит им свое большое влюбленное сердце!

С этими словами два самолета, наконец, сошлись в нижней точке своего вращения, нарисовав в небе белыми дымами сердце, которое пронзила стрела из трех самолетов, дымящих красным, синим и белым цветом. Цветом французского национального флага.

Публика взорвалась громкими аплодисментами и я, наконец, смог закончить свою фразу.

– Не о сексе, а о любви! Чувствуешь разницу?

Мы посмотрели еще пару воздушных выступлений, и все это время я размышлял на тему, что какая-то правда в словах Игоря есть. Конечно, я никогда не мечтал стать летчиком. Ну, может быть, только в самом раннем детстве, но я всегда

мечтал быть полезен обществу. А теперь что? О чем мечтает нынешнее поколение?

Даже смешно стало. Явно не о подвигах во имя ближнего своего.

Деньги, деньги, деньги. Всем нужно только одно. И в кумирах у них ходят Бредды Питы и Деми Муры. И почему это я вспомнил фамилию именно этих голливудских кинозвезд?

Кстати, о деньгах?

О деньгах и счастье

На часах 01:23. За окном кромешная тьма. В квартире никого. Горит только настольная лампа, да в углу мерцает мой телефон – ракушка. Мерцает, значит живой. Ловит сигнал. Сканирует бесконечное пространство.

Про себя отмечаю, что он молчит уже более десяти часов. Я им не пользовался с самого утра. Несколько раз набирал телефон сына, но он постоянно отвечал, что телефон абонента выключен или находится вне зоны...

Еще один день – и начну волноваться. Не для того, я покупал телефон сыну, чтобы он был в зоне недоступности. Ну что может случиться? Почему он вне зоны? Может, уронил его в воду? Или батарейка села? Или деньги закончились на телефоне, а он не заметил? Такое уже было один раз.

Надо будет завтра с утра обязательно кинуть ему пору сотен. Да, обязательно. На всякий случай.

Сна ни в одном глазу. Рука ползает по листу бумаги, стремительно выводит авторучкой какие-то закорючки. Свои мысли – все, что произошло со мной за этот день. Медвежонок, «гомо сапиес флайенсы», ошибка президента. Главное, чтобы потом смог в них разобраться.

О деньгах?

Однажды в армии мы сидели в комнате отдыха, тогда она еще называлась «ленинской», и занимались ничегонедела-

ньем. Короче, отдыхали после бани. Трепались. Разговор в основном шел о том, кто с кем и как успел на гражданке.

Сейчас уже не помню, кто сказал:

– Эх, ребята, ну что мы все о бабах и о бабах. Нам что поговорить разве не о чем? Всю душу истрепали.

Все сразу как-то оживились:

– А о чем еще говорить-то?

– Ну не знаю, да о чем угодно. О книгах, о политике, о погоде. Что мало тем на свете?

Делать было нечего, народ в комнате подобрался образованный, в основном, студенты. «А что, действительно, давайте попробуем, не говорить о них».

Минут пять все молчали...

Потом разговор все же потихоньку начал оживать, кто-то вспомнил как ходил на ипподром, обсудили лошадей, потом, естественно, коснулись темы рыбалки и футбола, охота, грибы, автомобили. Темы перестройки и разоружения затронули в том ключе, что она нас непосредственно касалась, то есть «А будь она неладна».

Я служил на засекреченном радиоузле, который находился в самой глуши Белорусского леса, того самого, где партизаны немцам в 42-м году шороху давали. И вот из-за того, что в нашей части в этот момент как раз находилась группа наблюдателей из НАТО, нам приходилось соблюдать режим радиомолчания. То есть все радиопередатчики нашей точки были выключены. И поскольку они были выключены, нам

негде было сушить белье после бани. Улавливаете связь? Это сложно. На самом деле все просто. Когда передатчик работает, он нагревается, причем до такой степени, что положенное на него белье высыхает в течение одной минуты. Оп! – и готово. На нашей точке было около 20 таких радиопередатчиков, а значит, все мы могли привести себя в порядок за считанные минуты.

Но сегодня передатчики были выключены, поэтому после бани, постирав солдатское бельишко, мы были вынуждены сушить его на улице и теперь сидели в одном исподнем. И неизвестно было, когда же белье высохнет. А это означало, что у кое-кого срывалась ночная самоволка в соседнюю деревню на дискотеку. К бабам.

Вот так круг и замкнулся. Первый, кто сказал это слово, упал на пол и отжался двадцать раз, а мы, посмеявшись, перекинулись на тему «дембеля». Естественно в том ключе, что вот уволюсь из рядов вооруженных сил и всех на своей улице, в своем районе, городе, институте пере...бу...

Просто удивительно, но в том солдатском интеллектуальном марафоне никто ни разу даже не заикнулся о деньгах. Ну ни единым словом! Впрочем, сейчас с высоты времени это понятно. Все были молодые и глупые – это раз. Во-вторых, все мы жили на всем готовом, и тех солдатских зарплат нам вполне хватало на удовлетворение наших потребностей. Не поверите, но на свою сержантскую зарплату я во время увольнительной мог позволить себе сходить в хороший ре-

сторон.

Тогда, сидя в одних трусах и майках, да еще в кирзовых сапогах на босу ногу, в глухом-глухом белорусском лесу, нам всем казалось, что мы все уже давно поймали кота за яйца, что мир у наших ног. А деньги? Да разве в них счастье?

Сказка, по крайней мере, у меня, закончилась сразу, как только я сошел с поезда на перрон Белорусского вокзала. Как оказалось, что денег, которые были скоплены мной за два года службы плюс гонорары из окружной военной газеты, мне едва-едва может хватить, если решу доехать до дома на такси. С шиком, как мечтал.

Поэтому от этой идеи пришлось отказаться. Воспользовался услугами метро и электрички. Потом мне приходилось отказываться от многих идей своей молодости, но эта почему-то запомнилась лучше всех. Обидно было до слез.

Процесс под странным названием «перестройка» в конечном итоге превратился для всех нас в одну большую гонку за деньгами. Сейчас все привыкли описывать то время как благословенное время, когда можно было в одночасье стать миллионером. Сейчас уже фильмы и книги начинают опозитизировать то время и превращать в героев тех, кто смог пройти через мясорубку той бойни и появиться в нашем времени в виде владельцев своих банков, магазинов, бутиков. В виде хозяев жизни. В виде «Гомо сапиенсов» – людей разумных.

Мысли разбегаются, как белки по деревьям. Но спать все

равно не хочется. Рука, выводящая каракули на листе, качнула маятник воспоминаний. Кем бы я был, если бы... Если бы что? Был немного поумнее?

Где-то на втором курсе института я за одно лето написал целый сборник детективных рассказов. И не только написал, но и смог их издать небольшим тиражом. Влез в книжный бизнес. Сам стал торговать своими книжками. Наконец, удалось пристроить практически всю партию в сеть киосков при вокзалах. По большому благу, но пристроил. На реализацию. То есть деньги не сразу, а только после продажи. То есть никаких шансов, что получу что-то, не было, но радовало то, что удалось книги пристроить.

И вдруг... не поверите, буквально через неделю звонит мне директор этого магазина и предлагает приехать в бухгалтерию для получения денег.

Еду. Получаю. Директор ласковый, как кот. «Мы пока еще не весь ваш тираж, – говорит, – продали. Но вот решили сразу отдать Вам деньги, так как ваша книга очень интересная и мы уверены, что она вся продается!» Представляете, как я зарделся от таких слов. Как майская роза. Деньги получил. Как сейчас помню 35 тысяч рублей, а вложил я в это дело 25 штук. «Ну, – говорю, – раз такое дело, то с меня коньяк!» Директор отказывается, говорит: «Да что Вы, не надо...» Все равно! Бегу на улицу до ближайшего магазина – и глазам не верю? На всех ценниках по два нуля пририсовано. То есть то, что стоило 150 рублей, теперь 15000 «тугриков». Вынь

и положь. Инфляция. Етит твою мать. Мне бы дураку сообщить, что к чему. Но нет, я же гордый. Раз обещал, значит обещал. И довольный! Мою книгу оценили! Беру два бутылки. Одну отдаю директору, а вторую домой везу.

Не поверите, только много позже, уже учась по «президентской программе» на уроке экономике, до меня дошло, как лихо меня провел директор магазина. Он весь мой тираж купил за две бутылки коньяка.

Или вот еще был урок жизни. На третьем курсе института. Мы тогда, я и еще три приятеля, создали фирмочку и взяли в аренду сельский клуб. Организовали дискотеку. «Диапазон» называлась, или по-местному «сарай», потому что помещение, где устраивались танцульки, никаким другим словом назвать нельзя было. «Сарай – он и в Африке сарай». Эх, времечко было. Драки каждый день, разборки с бандитами. Крутизна. От всех отбились, а погорели на друзьях и знакомых, которых набрали в штат. Воровали все: и бармен, и диск-жокей, и билетер, и три моих соучредителя. По-черному. Мне потом брательник мой младший сам признался. Он как раз за стойкой бара стоял. А я один как директор всей этой шарашкиной конторы за всех отдувался. Ни копейки не заработал, так, на текущие расходы.

Потом был классический развод. Предложил один из учредителей, лепший кореш почти, по-крупному работать. Свел с серьезными людьми. Те предложили использовать наш клуб под склад. Только склад какой-то странный был.

Подгонялась фура, из нее товар выгружался, а через несколько дней приезжала другая фура. Товар грузили и куда-то увозили. А расплачивались с нами этим же самым товаром. Десятую или даже пятую часть мы себе оставляли. Ох и дурак же я был! Без накладных, без ничего.

Как тогда не погорели? Не знаю. Наверное, ангел спас. Он же меня, наверное, и от другой глупости отвел. Где-то через месяц это случилось после того, как в наш клуб товар возить стали. Подъезжают ко мне как-то эти самые серьезные люди на шикарных авто и говорят, что пора и мне на такую пересядываться. А я что?

– Пора, – говорю. – Да как?

– Ну, – отвечают серьезные люди, – мы тебя сейчас научим!

– Езжай, – говорят, – на птицефабрику и получай по этим вот документам фуру куриной тушенки, – и дают мне чужой паспорт, – дело, – уверяют, – верное, привезешь фуру, тачка твоя!

Уж не знаю, как я от такого предложения отбрехался. Не знаю. А вот корешка моего, того самого, что свел с ребяташками, бес попутал. Поехал. И фуру он привез. И машину получил. Только ездил на ней недолго. Меньше месяца. Однажды он просто исчез, и корешки его исчезли, а машины их шикарные года два потом ржавели под окнами их квартир.

Только через несколько лет я узнал, что нашли их всех с выколотыми глазами в люберецкой канализационной си-

стеме. Как оказалось, у птицефабрики была солидная крыша. «Люберецкая бригада». Они быстро вычислили всех, кто брал у них мясо фурами на реализацию и не возвращал потом деньги. Вычислили и наказали.

Было такое. Было. И иконами торговал, и наградами. За это, наверное, вообще никогда перед Богом не расплачусь. Он, кстати, наказал меня за это сразу и жестоко. Деньги, вырученные от продажи одной иконы, я решил по-быстрому прокрутить, сыграв на разнице валют. Тогда на этом многие зарабатывали. Но для того, чтобы получить крупную сумму денег, нужно было еще добавить. И я добавил, да не свои, а чужие. И, естественно, мне во время обмена подсунули куклу.

Как я тогда долги отдавал? Как крутился? Не знаю. Не помню. Но выкрутился. Все вернул и даже чуть-чуть заработал...

Вот уж что-то, а крутиться и выкручиваться и зарабатывать мы за последние десять лет все научились. И я – журналист-мечтатель, и Игорь – авиконструктор-практик, и ближайшая к нам компания, которая расположилась на земле с комфортом, разложила шезлонги, воткнула в землю зонтики и обставила вокруг территорию ящиками-холодильниками. Кто-то побольше, кто-то поменьше. Но научились: считать, планировать перспективы и прикидывать риски.

За спиной на кресле зашевелился кот. Сладко выгнул свою лоснящуюся спину, зевнул и, удивленно посмотрел на

меня зелеными глазами-блюдцами: «Чего не спится, хозяин?» Не дожидаясь ответа, перевернулся на другой бок и снова уснул.

От неожиданности я вздрагиваю и смотрю в окно. Небо до этого иссиня-черное чуть порозовело. Верный признак того, что скоро наступит утро. Надо же! Просидел почти всю ночь и практически ничего не написал. Нет, написал много, но вот только что дошел до самого главного.

Просто поразительно, там, сидя на теплой земле аэродрома и смотря в голубое-голубое небо, мы свели свой разговор к бабкам. Не к бабам, а к бабкам, к деньгам! Как кро-ты из сказки про Дюймовочку, мы сидели и считали свои предполагаемые доходы и расходы и обсуждали эту тему с таким упоением, что можно было подумать, это была самая интересная тема. Это как называется? Заматерели? Повзрослели? Может быть, и так, но самое неприятное было при этом то, что мы чувствовали себя почти счастливыми? Но так ли оно выглядит оно, мужское счастье? Не женское счастье. Оно вполне понятно. Был бы милый рядом. А настоящее мужское счастье...

Вечером, возвращаясь с авиасалона, на выходе мы столкнулись нос к носу со старым нашим знакомым, заслуженным летчиком-испытателем, Героем России. Он стоял возле своего шикарного БМВ и грузил в багажник ящик с этикеткой французского вина.

Его лицо светилось как начищенная медная монета. Он

был слегка пьян и весело подмигивал всем проходящим мимо красоткам, а в кабине рядом с водителем сидела такая обалденная блондинка, что... просто нет слов.

Увидев нас, летчик махнул рукой, раскупорил ящик, достал оттуда бутылку и протянул нам.

– Вот, ребята, спрячьте там, у себя, в музее. На память!

– А что это?

– А вы сегодня шоу французов видели?

– Конечно.

– Так вот я поспорил с их командиром, что смогу безо всякой подготовки выполнить вместе с их хваленными асами всю программу, да еще при этом сделаю то, на что ни один француз не решиться.

– И что сделали?

– Ну, ребята, а говорили, что всю программу видели! Бочку на низкой высоте видели?

– Так это были Вы? А что же тогда диктор кричал, что этот трюк могут только французы выполнять?

– Вот и отлично, пусть так все и думают. И вы никому не говорите, а то еще отстранят от полетов.

«Допельдон!» В мое голове снова всплыло это слово как высшая форма восхищения. А еще я почувствовал некоторый укол зависти. Да, я завидовал этому человеку, но чему?

На лице у летчика было такое выражение. Такое выражение! Тогда я так и не смог подобрать нужного слова? Ну, как будто кот колбасу стащил с кухни...

...Встаю, разминаю затекшую спину. Иду на кухню. Ставлю чайник. Барсик мелкими шажками семенит за мной. Знает скотинка, раз я иду на кухню, значит можно рассчитывать на порцию «Китикета». Отваливаю ему полбанки. Многовато, наверное, но ладно, пусть лопает. Ест. Урчит. А вот это, наверное, кошачье счастье? А что еще им надо кастрированным.

Нет, наверное, на лице нашего знакомого было написано что-то другое? Что?

Возвращаюсь, снова сажусь за стол. Однако надо ложиться спать. Сейчас...Еще только пару слов напишу.

«Допельдон!» Сегодня это слово высказывало у меня в голове несколько раз, причем каждый раз при этом я слышал или думал о чем-то таком необычном, когда хотелось, но не следовало, позвать на помощь или призвать в свидетели кого-то более могущественного, чем человек.

А что? Может быть, действительно, «допельдон» — это имя бога, вернее его эквивалент, чтобы люди не звали его понапрасну. Не зря ведь написано: «...не упоминай всуе имя господя своего». А может быть, «допельдон» — это заместитель имени черта или сатаны, дьявола, или, как там его еще, Вельзевула? Действительно, что-то в последнее время чертыхаться стал много, да и не только я один. Не знаю... не знаю... И кто дал мне это слово? Бог или дьявол? Зачем? Не знаю. Пусть сын решит. Не забыть бы завтра, кинуть ему денег на телефон. Обязательно.

Чайник закипел. Иду на кухню. Выпиваю чашечку. Пытаюсь читать. Перед глазами красные круги. Значит, все, можно идти спать. Ложусь и сразу проваливаюсь в сон. И последней мыслью, которое уловило мое сознание, было: «Марина. Счастье мое! Где же ты? Что же ты так и не позвонила мне сегодня?»»

Сексуальная энергия

...И снова я окунулся в океан. Я лежу на спине и балдею. Мое тело мягко качается на волнах и по всему телу переливается блаженство. Кажется, что такое может продолжаться вечно.

Но вот мое лицо закрыло от солнца чья-то тень. В лицо брызнули несколько капель воды. Шепчу: «Марина, не надо мокро!» Слышу ее смех, и снова на лицо падает несколько капель воды.

Вздрагиваю и открываю глаза. Тьфу ты, Барсик! Противный котище! Стоит у меня на груди, мяучит и тщательно вылизывает мои брови. Наверное, они соленые! Аккуратно отодвигают кота в сторону, но он не отстает и продолжает тянуться мордой к моему лицу. Все ясно! Хочет жрать. И сейчас где-то шесть часов утра. Получается, что в общей сложности я проспал около трех часов. Естественно не выспался, поэтому воспринимаю все в полудреме.

Надо встать и дать Барсику поесть, иначе не отстанет. Приучили, блин, на свою голову. Вообще-то приучил отец, который всегда встает рано на работу и кормит его. Сейчас отец и мать живут на даче, кота с собой не взяли, там живет Граф, мой старый-старый пес, немецкая овчарка, который жутко ненавидит котов. В общем, кот у меня на попечении, и он ни при каких обстоятельствах не желает менять свой

режим питания.

Кормлю его. Возвращаюсь в комнату. Краем глаза смотрю на телефон. Работает. Смотрю на экран скорее просто так, по привычке, и вдруг вижу в углу экрана знакомый конвертик, значок «СМС». Открываю письмо и читаю: «Поцелуйчик! Я тебя люблю». Марина. Принцесса. Смотрю на время. Письмо пришло в 03:30. Почему она не спала в это время? Почему я не слышал сигнала? Порываюсь тут же набрать ее номер телефона, но вовремя спохватываюсь. Она сейчас наверняка спит и однозначно будет недовольна моим звонком. Набираю СМС: «Я тоже тебя люблю, медвежонок!» – и отправляю ей. Сигнала она все равно не услышит, зато, когда проснется, то первым, что прочитает, будет мое СМС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.